

Литовское «дело Бейлиса» (1930 – 1931 годы)

Аннотация

Подробности гибели в литовском местечке Жеймялис в феврале 1930 года ветеринара Казиса Авижениса, труп которого был обнаружен в неогороженном колодце рядом с местной бойней. Громкий процесс в Шяуляйском окружном суде по обвинению в убийстве Авижениса евреев-мясников Лейзера Мана, Матиса Лакунишка, Абрама Флейшмана и Абрама Шнайдера. Верховный трибунал Литвы, по апелляционной жалобе защиты обвиняемых, пересмотрел и значительно смягчил приговор Шяуляйского суда. Публикация основана на воспоминаниях старожила местечка Файвля Загорского и материалах еврейских и литовских газет 1930 – 1931 годов.

В течение ряда лет автор собирает материалы о еврейской общине Жеймялиса¹, откуда родом его отец. Город (прежде местечко), расположен на севере Литвы (Пакруойский район) у границы с Латвией. Уроженец местечка Файвл Йосифович Загорский (1910, Жеймялис – 1994, Каунас) в августе 1987 года рассказал автору такую историю:

«В 1929 г. в Жеймялисе сделали бойню. В то время действовал закон, что мясо зарезанной коровы должен посмотреть ветеринар и дать разрешение на его использование. Дело было в феврале. Евреи вечером в субботу зарезали корову и пошли звать ветеринара. Того не было дома. Они его дождались и привезли только в 10 часов. Ветеринар не захотел смотреть тушу, так как на бойню забыли принести воду и полотенце, чтобы после осмотра вымыть руки. Он рассердился и вышел. А рядом с бойней был старый заброшенный колодец. Сруб его разобрали, и поэтому ограждения не было. Это все знали и туда не ходили. А контролер в темноте почему-то пошел иначе, провалился в этот колодец и утонул.

Жена хватилась, что он не пришел домой. Прибежала, подняла людей. Стали шарить багром в колодце и подняли труп.

Четырех евреев обвинили в убийстве ветеринара и арестовали. В местечке создалось погромное настроение. Разнесся слух, что крестьяне окрестных деревень наехали в Жеймялис, чтобы, воспользовавшись этим случаем, устроить погром, грабить и убивать евреев. Руководители общины звонили в Шяуляй, писали туда, просили, чтобы начальнику соседней пограничной стражи приказали прислать для дежурства в местечке пограничников. В общем, евреи натерпелись страха. К счастью, все обошлось. Из Паневежиса приехали следователи. Осмотрели труп и пришли к выводу, что это несчастный случай. Арестованных отпустили.

Но родственники ветеринара были влиятельные люди и дело так не оставили. Добились приезда других следователей, выкопали гроб и снова осматривали труп. Составили заключение, что ветеринара сначала убили и лишь потом бросили в колодец, так как в его легких не нашли воды. Евреев снова арестовали, судили и дали по 12 лет тюрьмы.

Это решение поставило на ноги всю еврейскую общину Литвы. Собрали много денег, наняли адвоката, он подал кассацию. Дело пересмотрели, евреев, хотя полностью и не оправдали, но сократили им срок с 12 лет до полутора. Они его отсидели и вернулись в Жеймялис».

Наши поиски дополнительных сведений об этом происшествии в книгах по истории евреев Литвы были безрезультатны. Специалисты также ничего не смогли подсказать. Наконец, в 1991 г. в книге Нэнси и Стюарта Шенбергов «Литовские еврейские общины»,

изданной в США, появилась краткая справка, что в Жеймялисе «в 1927 – 1928 годах пять евреев-мясников были обвинены в убийство ветеринара Пожеллы и приговорены судом к пяти годам лишения свободы. Евреи Литвы рассматривали этот процесс как литовское “дело Бейлиса”. В совет для защиты мясников вошли д-р Яков Робинзон и Оскар Грузенберг. Верховный суд сократил срок до восьми месяцев»². Справка была повторена (с купюрами) в «Российской еврейской энциклопедии»³.

Сравнение процесса с делом Бейлиса, участие в нем выдающихся адвокатов: Грузенберга, защищавшего Бейлиса, и Робинзона, позже выступавшего на Нюрнбергском процессе, и разночтения воспоминаний Загорского с приведенными публикациями, побудили автора продолжить поиски.

Ему помогла в этом специалист по истории и культуре литовских евреев Роза Беляускене⁴. Она обнаружила в газетах Литвы 1930 – 1931 годов более пятидесяти репортажей о процессе и перевела их на русский язык.

----- 000 -----

Труп в колодце

«Летувос жиниос»⁵ 23 февраля 1930 г.

В провинции

23 февраля в 2 часа 30 мин. в местечке Жеймялис⁶ из колодца извлечен труп врача ветеринара Казиса Авижениса. Как установила шяуляйская криминальная полиция, Авиженис мог сам упасть в колодец. Но по другим официальным источникам, Авиженис мог быть убит.

----- 000 -----

Антиеврейский навет в Жеймялисе

«Ди идише штиме»⁷ 27 февраля 1930 г. № 50(3142). Стр.7

(От нашего специального корреспондента)

Обращение в «Ди идише штиме». Беседа с доктором Вайтекунасом. Экспертиза неясная. Под покровом ночной темноты. Подавленное настроение. Боязнь эксцессов.

Звонок в редакцию. Говорят из Жеймялиса, маленького местечка Ионишского округа, примерно в 3 км от латвийской границы. Что случилось? В местечке неспокойно. Христианин-ветеринар упал в колодец, и на 5 еврейских мясников составляют навет, что они его убили. Над местечком навис страх смерти. Как можно скорее примите меры.

Редакция срочно обращается к директору Департамента защиты гражданского населения г. Сташкявичусу. Директор обещает срочно отдать приказ в Шяуляй о направлении в Жеймялис укрепленной полицейской охраны. Редакция тоже сразу же высылает своего корреспондента в Жеймялис, чтобы на месте разобраться в этом

деле. Евреи местечка молят о пощаде: пришлите представителя редакции.

Я выезжаю в Шяуляй. На вокзале меня должен ожидать еврей из Жеймялиса. Как он меня узнает. Я договорился, как меня узнать: в руке у меня будет газета «Ди идише штиме». Ко мне подходит молодой человек. Мы идем: каждая минута дорога. Пока суд да дело, я иду в Шяуляйскую криминальную полицию. Может, там я получу какие-нибудь известия. Но там никого нет: уже поздний вечер. Я иду домой к шефу полиции г. Пелецкису. Но шеф тоже мало знает фактов о Жеймялисском деле. Он мне только говорит, что приняты строгие меры, чтобы не допустить анти-еврейских эксцессов, что в местечке сравнительно спокойно и надо надеяться, что и во время похорон никаких беспорядков не произойдет. Это значит, что надо сразу взять машину и поехать в Жеймялис.

Дорога хорошая, но темно, и густой туман не позволяет шоферу развить большую скорость. Около 11 часов мы подъезжаем к Ионишкис⁸. Еще в Шяуляе я узнал, что тело ветеринара было вскрыто районным врачом в Ионишкис, и потому я решаю, несмотря на полночь, обязательно встретиться с доктором, и получить от него какие-нибудь сведения. К счастью, врач еще не лег спать, и он меня сразу принимает. Я извиняюсь за поздний визит и задаю ему ряд вопросов.

- Скажите мне, г. доктор, нашли ли вы в легких покойного воду?
- Да, немного.
- Что, по-вашему, явилось причиной смерти?
- Он задохнулся.
- Нашли ли Вы следы алкоголя?
- Нет, никаких следов.
- Есть ли на теле признаки насилия?
- На голове есть следы от удара тяжелым предметом.
- Как это могло случиться?
- Возможно, что, падая в колодец, он разбил голову, но возможно, что кто-то ударил его твердым предметом по голове и вбросил в колодец.
- Видны ли следы драки на одежде?
- На пиджаке есть жирные пятна и кусочек мяса домашнего животного (как известно, он до того был в скотобойне...).
- Долго ли пролежало тело в колодце?
- Примерно 3-4 часа.
- Что может быть причиной смерти?

- Трудно ответить категорично.
- Где вещи покойного?
- Они высланы в Каунас, в следственные органы.
- Вы ли лично провели вскрытие?
- Да, я лично. Тело уже передано родным для погребения.

Беседа с доктором Вайтекунасом показала мне, что медицинская экспертиза сильна своими выводами, но само дело неясное. Но времени нет, и в 12 часов ночи я пускаюсь в дорогу, в Жеймялис. Мы проезжаем местечко Крюкай, откуда родом покойный ветеринар. Шофер мне рассказывает, что в Жеймялисе очень тревожное настроение. Очень озлобленные христианские парни долго прогуливались по улочкам местечка и пугали: «Сто евреев должны погибнуть за ветеринара Авижениса... » Евреи боятся выйти из дома. Пока все проходило мирно.

Вот, наконец, Жеймялис. Уже два часа ночи. Холодно, скользко. Я нахожу шефа полиции и смело стучу в окно. Но меня не хотят пускать. Но, наконец, я заверяю шефа, что мои журналистские обязанности заставляют меня обратиться к нему так поздно. Он принимает меня вежливо, рассказывает мне обстоятельства происшедшего, как их сообщили вчера редакции «Ди идише штиме». Мне посчастливилось той ночью встретиться даже с арестованными, с их родственниками, с местными еврейскими общественными деятелями; все этой ночью спали плохо, и мне явно не пришлось никого будить. Впечатление ясное. Тяжелое подавленное настроение нависло над местечком. Все еще боятся эксцессов. Положение абсолютно не гарантировано. Вокруг ходят дикие слухи, и евреи Жеймялиса живут в смертельном страхе.

О моих дальнейших беседах и расследованиях – завтра.

ГРИ

----- 000 -----

По поводу гибели врача Казиса Авижениса

«Летувос жиниос» 27 февраля 1930 г. № 48(3247)

Как уже сообщалось, 23 февраля в Жеймялисе был найден труп врача- ветеринара Казиса Авижениса.

Еще вечером Авиженис был при исполнении своих обязанностей и еще проверял мясо. В тот день домой он не вернулся. Первые результаты расследования могут создать мнение, что Авиженис мог сам упасть в колодец. Но позже возникло подозрение, что его могли

убить. Он был непьющим человеком. В связи с этим задержано несколько мясников, которые содержатся в Шяуляйской тюрьме.

Авиженис был офицером запаса. По окончании учебы, он в 1929 году получил звание врача-ветеринара и начал работать в Виштитисе⁹. Последние две недели работал в Жеймялисе. Покойный оставил жену.

----- 000 -----

Тревожные вести из Жеймялиса

«Ди идише штиме». 28 февраля 1930 г. № 51(3143). Стр. 7

Делегация из Жеймялиса в Каунасе. Энергичное вмешательство министра внутренних дел.

Так как положение в Жеймялисе оказалось серьезным, вчера, в среду, в Каунас приехала делегация евреев Жеймялиса во главе с жеймялисским раввином Шмитом. Уважаемый раввин объяснил, что навет на евреев продолжается и надо принять меры. Нельзя положиться на успокаивающие заверения от пограничной полиции. Ходят слухи, что в среду ночью готовится нападение на евреев, особенно боятся базарного дня четверга. Кроме того, наша редакция в течение всего дня получила целый ряд телеграфных требований из Жеймялиса, быстрее обратиться к властям. Директор департамента защиты гражданского населения г. Сташкявичус тепло и энергично отозвался на наше обращение. Окружному шефу Шяуляя был отдан приказ министра внутренних дел г. Аравичуса, чтобы тот под свою личную ответственность полностью гарантировал спокойную обстановку в Жеймялисе. Позже окружной шеф Шяуляя телеграфировал в Министерство внутренних дел, что он в срочном порядке выслал в Жеймялис еще 5 полицейских и что все необходимые меры защиты приняты. Обо всем этом наша редакция информировала делегацию, а также послала телеграмму в Жеймялис, чтобы успокоить местное население. Надо надеяться, что благодаря корректному отношению властей к своим обязанностям и энергичному вмешательству г. Сташкявичуса, никакие беспорядки не произойдут, и это запутанное дело будет расследовано до конца институтами, которым положено этим заниматься.

Что рассказывает раввин.

О настроении в Жеймялисе и несчастьи с Авиженисом жеймялиссский раввин передал нашему сотруднику следующие сведения:

- Арест пяти евреев (теперь – четырех) потряс все местечко и округу. В местечке и округе арестованные хорошо известны как богобоязненные и порядочные евреи. Нам всем тоже ясно, что ни один еврей вообще, а задержанные в частности, не имели никакого зла на погибшего, и поэтому не было никакого основания, чтобы евреи, не приведи господь, подняли бы на него руку. Мясники в Жеймялисе вообще очень тихие и порядочные люди. Кроме того, двое из задержанных вообще не мясники, а бедные хозяева из округи - Абрам Флейшман и Абрам Шнайдер, которые приехали закупить мясо. Поэтому даже думали, что они смогут доказать невиновность мясников. Скоро оказалось, что их тоже подозревают в убийстве.

Распространяют слухи, что между арестованными и погибшим были разногласия. Мне известно, что единственное требование Авижениса к мясникам было, чтобы в скотобойне была бы миска с водой и полотенце с мылом. Но мясники забыли принести миску, а только подготовили ведро воды, и когда Авиженис уже должен был штамповать мясо, он спросил, где миска. Получив вежливый ответ, что имеется только ведро с водой, он разозлился. Быстро жирными руками застегнул воротник (отсюда и появились жирные пятна на шубе), забыв даже взять с собой карманную лампу, он выбежал из бойни. Точно в трех шагах от бойни находится фатальный колодец, не огороженный, и всегда вокруг него скользко от разливаемой воды.

В одной уважаемой газете говорится, что забой животных у нас ночью не производится. По правде забой скота у нас проходит в ночь на воскресенье, а также в середине недели случалось, что забой проводится до позднего вечера.

Бесчисленное количество раз меня будили ночью и говорили, что ночные забои могут привести к отступлению от ритуальных правил забоя. Часто после шабата я сидел и ждал, чтобы проследить, как проводится ритуальный забой.

Что касается настроения в местечке, оно очень подавленное из-за судьбы четырех евреев и из-за судьбы еврейского населения, которое может пострадать из-за темного навета, который распространяется в округе. Есть еще одно мнение и надежда у евреев, что правда восторжествует.

А.

----- 000 -----

Еще раз о Жеймялисе

«Летувос жиниос» 28 февраля 1930 г.

Трагично погибший врач – ветеринар К. Авиженис родился и вырос в соседнем местечке Крюкай. Несколько месяцев назад он был назначен врачом- ветеринаром волости в Жеймялис. Кроме всего, в его обязанности входило присматривать за местной бойней. В субботу 22-го покойный уехал куда-то в деревню и вернулся оттуда поздно вечером. В это время на бойне было зарезано несколько коров, и резники приходили к врачу Авиженису, чтобы он осмотрел мясо и его отштамповал. Хотя Авиженис вернулся поздно, он, по просьбе резников, согласился около 10 часов вечера пойти на бойню, так как они в воскресенье утром хотели продавать мясо. В то время на бойне было шесть человек. После осмотра мяса по невыясненным обстоятельствам оказалось, что мясо не будет отштамповано, и доктор Авиженис обещал сделать это в воскресенье утром, и вышел из бойни.

Дома жена врача, не дождавшись до полуночи возвращения мужа, начала беспокоиться. Около двух часов ночи о пропаже врача было сообщено полиции. После того, как резники сказали, что врач из бойни ушел, его начали искать по дороге, которой он должен был вернуться домой. Осенила мысль осмотреть колодец у бойни.

Этот колодец расположен в двух метрах от бойни, на самой тропе, без какого-либо ограждения, совсем на уровне земли.

Заглянув в колодец, заметили плавающую шапку. В воде был найден и труп, который был вытасчен с трехметровой глубины. Труп был осмотрен представителями полиции и врачом.

Было сделано вскрытие трупа, и 25 февраля доктор был похоронен. Событие тщательно расследуется.

Все, кто в тот вечер были в бойне, арестованы, но как удалось узнать, никаких доказательств их вины найти не удастся, и есть мнение, что если не удастся получить новые данные, они будут отпущены. Это несчастье могло произойти и потому, что в темноте можно было случайно упасть в неогороженный колодец и там погибнуть.

Общественное настроение очень напряженное. Служащие криминальной полиции после того, как провели первое расследование, вернулись в Шяуляй.

Врач Авиженис был всеми уважаемым человеком и со всеми уживался хорошо, никаких инцидентов или недоразумений с бойней и с резниками, а также с продавцами мяса никогда не было. Среди арестованных есть 60-летний старик, два подростка по 16 лет и еще трое, которые на бойне были случайно.

Как Жеймялис пережил страх погрома

«Ди идише штиме» 6 марта 1930 г. № 56(3148). Стр.7

(От нашего специального корреспондента)

В среду утром еврейское население Жеймялиса жило в страхе. История такова: соблюдая пост, Р.К. и Н.Г. (евреи) слышали, как один высокопоставленный литовец сказал, что сегодня вечером будет организован погром. Р.К. и Н.Г. сразу выбежали на улицу и передали ужасную весть первым встречным евреям. С быстротой молнии она распространилась по местечку и вызвала страшную панику.

Еврейские общественные деятели сразу же телеграфировали о помощи. Вызывают Каунас. Получают ответ, что занято. Вызывают Шяуляй – получают такой же ответ. Просят Ионишкис – опять занято. Испуганные евреи думают, что телеграфная линия специально перерезана. Это еще больше усиливает панику. Позже все-таки удалось связаться с Каунасом и обратиться к властям за помощью. И сразу же послали телеграмму в редакцию «Ди идише штиме». Еврейское население беззащитно. Начали строить баррикады, проверять замки в домах, запоры на дверях и окнах. Те, кто не уверен в прочности старых замков, бегут в магазин металлических изделий, кто за замком, кто за запором, чтобы защитить себя от нападения. Другие стали паковать свои украшения и домашнюю утварь. Некоторые запрягают лошадей и готовятся к побегу. Один так разнервничался, что оставил жену, детей и все свое имущество и бежал через границу, которая находится недалеко в трех километрах от местечка. Женщины пытаются спрятать своих малышей. Молодежь смотрит, в каких домах забаррикадироваться.

В такой атмосфере еврейское население живет в течение двух часов. Когда узнают, что приезжает прокурор, настроение сразу улучшается. Евреи почувствовали, что получают полагающуюся защиту.

Полиция требует, чтобы подмели улицы. Сбежавшие евреи радостно возвращаются. Решают сразу подать прокурору просьбу о гарантии их защиты и привлечь к ответственности автора навета. К вечеру, в связи с приездом прокурора, местечко чувствует себя уверено. Когда он дружески принимает делегацию и обещает привлечь к ответственности наветчика, настроение становится спокойным. Д-р И. Робинзон звонит и заверяет, что министерство

гарантирует спокойствие в Жеймялисе. Позже из Ионишкис приехал первый новый полицейский.

М.Д.Т.

----- 000 -----

Авиженис убит, но не еврейскими мясниками – говорит «Ритас»

«Ди идише штиме» 19 марта 1930 г. № 67(3159). Стр.7

Съезд ветеринаров, который только закончился в Каунасе, наряду с другими вопросами, обсудил также смерть ветеринара Авижениса в Жеймялисе. На съезде было высказано мнение, что смерть Авижениса принудительная, а не несчастный случай, так как колодец был подмерзший. Медицинские эксперты также установили, что это принудительная смерть. Съезд постановил обратиться в Департамент ветеринарии, чтобы последний принял меры для проведения детального расследования, и тот, кто найдет убийц, получит премию - тысячу лит.

Брат покойного Авижениса и ветеринар Лопас были на приеме у министра юстиции по данному вопросу. Этим делом заинтересовалось Министерство внутренних дел. Расследование будет произведено по всей широте. «Ритас»¹⁰ считает, что никто не сомневается, что Авиженис был убит, но нельзя утверждать, что в этом виноваты еврейские мясники.

----- 000 -----

Опять беспорядки в Жеймялисе

«Ди идише штиме» 21 марта 1930 г. № 69(3161). Стр.5

Жеймялис *(по телефону)*. Дело об убийстве ветеринара Авижениса опять вызвало в нашем местечке сильные беспорядки. Опять распространились дикие слухи и наветы против местных евреев. Когда четыре подозреваемых мясника были освобождены, стали поговаривать, что евреи занялись «подкупом»: заплатили 40 000 лит и два ящика золота...

1 марта к нам приехала комиссия из четырех человек, которая вызвала к себе мясников. Их подробно допросили. Даже маленьких детей расспросили и требовали от них, чтобы они раскрыли «секрет». Что это была за комиссия, не известно.

Теперь свыше 20 евреев, кроме ранее арестованных мясников, получили приглашение от следователя по особо важным делам, чтобы они явились 25-го и 26-го марта на прослушивание. Значит

расследование возобновляется. В связи с этим среди христианского населения распространились наветы на евреев.

----- 000 -----

Директор департамента ветеринарии о деле Жеймялиса

«Ди идише штиме» 24 марта 1930 г. № 71(3163). Стр.8

Газета «Секмаденис» (Воскресенье) напечатала беседу с директором Департамента ветеринарии г. Миронасом о смерти доктора Авижениса в Жеймялисе. Г. Миронас рассказал среди прочего, что в легких покойного нашли воздух, тогда как у утопленников находят обычно только воду. Ясно, что Авиженис упал в колодец принудительно. Сначала думали, что Авиженис был пьяным, и потому он упал в колодец, Но в желудке у него никакой жидкости не нашли. На одежде покойного нашли рельефные следы пятен от мяса. Под воротником также нашли кусочки мяса.

Как уже сообщалось, расследование дела о смерти Авижениса было закончено, но оно опять возобновляется. Нельзя утверждать, что убийство совершено еврейскими мясниками, все могло быть симулировано так, чтобы можно было их обвинить. Одно ясно: Авиженис убит. Департамент теперь примет меры, чтобы в малых местечках ночами скот не забивали.

Когда Авижениса нашли мертвым, и полиция сделала расследование, она обратила внимание на пятна крови и кусочки мяса под воротником и объяснила, что это не столь важно. Авиженис сам не мог себя окровавить, так как его руки были чистыми, несмотря на то, что в бойне не было мыла, чтобы помыться. Авиженис принес с собой электрический фонарик, которую позже нашли перегоревшей в бойне. У Авижениса нашли раны на голове, что доказывает, что на него напали сзади. Нападения на ветеринаров наблюдаются и в других местах. Кроме Авижениса, в Жеймялисе есть фельдшер Дорзинскис, у которого хорошие взаимоотношения с еврейскими мясниками.

----- 000 -----

Следствие по поводу гибели врача Авижениса заканчивается

«Летувос жиниос» 26 марта 1930 г. № 70(3269)

Каунасская хроника

На место гибели Авижениса выехали главный защитник Верховного трибунала г. Калвайтис и др. На днях следствие будет закончено и объявлены результаты.

----- 000 -----

Опять беспокойно в Жеймялисе. Распространяются антисемитские наветы

«Ди идише штиме» 3 апреля 1930 г. № 80(3172). Стр. 7

(Письмо из Жеймялиса). В Жеймялисе все еще беспокойно. После всех авторитетных заверений, что дело Авижениса достаточно расследовано и установлено, что имел место несчастный случай, расследование началось сначала. К тому же все время распространяется некрасивый навет, и в местечке опять беспокойно.

Во вторник, 25-го марта, в Жеймялисе прибыл следователь по особо важным делам и начал выслушивать всех свидетелей. Прослушивание длилось до позднего вечера. В это время свидетели содержались в переполненной посетителями комнате ожидания. Там среди них находились мать погибшего ветеринара и его «хорошие друзья». Они «помогали» свидетелям вспомнить, как все происходило. Среди свидетелей есть и 12-летний еврейский мальчик. Следователь задержал его до позднего вечера и допросил последним. Следователь хотел проводить его домой, но за мальчиком пришла его сестра. Но этого мальчика «хорошие друзья» не отпустили и спрашивали его, сколько денег евреи собрали в синагоге и т.д.

Характерно то, что брат Авижениса злится на тех, кто успокаивают свидетелей. «Будьте спокойны, - говорит он, – они скажут все, что знают».

В среду 26-го марта опять допрашивались свидетели. После показаний одного христианского мясника были вызваны два еврейских мясника. Интересно, что первый зол на вторых. Недавно он с ними судился, и суд проиграл. На этот раз не допрошены местные врачи, которые констатировали смерть Авижениса. При повторном вскрытии тела их также не пригласили. Допрос свидетелей проходил и в четверг и продолжался до позднего вечера. Вызвали четырех подозреваемых мясников.

В пятницу вечером приехал прокурор. В третий раз были вызваны эти четыре еврея. Их продержали до наступления шабата и объяснили, что они арестованы. Сообщили, однако, что их могут освободить под залог. В субботу рано утром все домовладельцы в Жеймялисе заложили свои дома, чтобы внести залог за арестованных. Все твердо уверены в их невиновности. Всех их знают как порядочных людей. Один из них – гражданин Латвии.

В течение всего этого времени на евреев распространяется навет, Госпожа Г. – подруга (или родственница) погибшего ветеринара

подошла к знакомой еврейке Р.Э. и сказала ей: «Ну, евреи, вы уже все на Песах будут кушать мацу с кровью Авижениса».

Воздух отравлен. Христианское население взбудоражено наветом, и ничего не делается, чтобы приостановить его распространение.

МДТ

----- 000 -----

Следствие не закончено, но обвинение уже есть

«Ди идише штиме» 7 апреля 1930 г. № 83(3175). Стр. 7

Для того чтобы точно дознаться до причин смерти д-ра Авижениса в Жеймялисе, газета «Летувос айдас»¹¹ послала в Шяуляй специального корреспондента. Корреспондент пишет:

«Д-р Авиженис перед тем, как стал штамповать мясо в бойне Жеймялиса, поссорился с местными мясниками. Он отказался вечером штамповать мясо. В день перед смертью он нашел в бойне подозрительное забитое животное, которое он отказался штамповать при искусственном свете. Около 11 часов вечера он вышел из бойни, обещая, что придет завтра утром штамповать. В ту ночь Авиженис погиб в колодце. Колодец находится в неполных 2 метрах от бойни, неогорожен, и вокруг него было скользко из-за замерзшей воды. Это значит, что он мог поскользнуться и упасть в колодец. Обычно Авиженис шел по тропинке мимо колодца, который глубиной в 4 метра. Вода тогда была на глубине 3 метров. Тело Авижениса было найдено в колодце в вертикальном положении, ногами вниз. Внутри колодца сбоку был найден толстый слой льда.

Первое вскрытие сделал 2-ой районный врач Шяуляйского района д-р Вайтекунас, который в несмелой форме высказал свое мнение. Он полностью констатировал, что нашел у покойного след от удара по голове, но чем удар был нанесен установить трудно. Смерть наступила от удушья уже в самой воде. Допросили до 20 свидетелей, которые не прояснили, имеем ли мы здесь дело с убийством. Дело бы надо было закончить, но из-за слухов, которые распространяются, дело пришлось расширить. Более детальное расследование выявило больше ясных обвинительных материалов. Во второй раз д-р Вайтекунас уже высказал свое мнение в более категоричной форме. Теперь он констатировал, что удар по голове Авиженис получил от посторонней руки, после чего он упал в колодец. Рана была смертельной. Смерть таки наступила в воде от удушья, но в колодце

он еще еле дышал, поэтому в его внутренностях нашли мало воды. Если бы он разбился, падая в колодец, он бы вдохнул много воды.

Выслушали дополнительно целый ряд свидетелей, которые дополнили дело новыми сведениями. Например, одна свидетельница рассказала, что в день смерти Авижениса колодец был сильно замерзшим, и была прорублена прорубь, в которую еле можно было просунуть ведро. Но другой свидетель сказал, что 2 дня до несчастья сам прорубил лед в колодце, и лед остался только вокруг стенок.

Государственный прокурор в этот раз нашел повод привлечь к ответственности по статьям 455 и 51 криминального кодекса 4 жителей Жеймялиса: Лейзера Мана (64 года), Матиса¹² Лакунишка (16 лет), Абрама Флейшмана (48 лет), Абрама Шнайдера (30 лет). Все они освобождены под залог: двое за 10 000 лит, двое за 5 000 лит. Первое следствие еще не закончено. О мнении д-ра Вайтекунаса еще спросят известных экспертов. Особенно будет учтено мнение д-ра Ожялиса. Если посчитают необходимым, тело вскрыют вторично. Окончательное следствие будет закончено еще в этом месяце».

Хотя корреспондент ничего нового не сообщил, но в его корреспонденции есть несколько интересных моментов. Из нее мы узнаем, что д-р Вайтекунас, на чье мнение прокуратура полностью полагается, при втором допросе уже поменял свое объяснение. Причина этого нам понятна, особенно имея в виду, как пишет корреспондент, «что второе следствие было заведено под воздействием разных слухов».

Но самое интересное, что следствие еще не закончено, а прокуратура уже имеет готовое обвинительное заключение с готовыми параграфами уголовного кодекса. «Летувос айдас» считает этот факт немного странным: статья корреспондента называется «Несмотря на то, что дело еще полностью не расследовано, уже привлечены к ответственности четыре человека».

----- 000 -----

Составлен обвинительный акт против жеймялиских мясников. Окончено следствие по делу Жеймялиса. Опрошено 200 свидетелей

«Ди идише штиме» 23 апреля 1930 г. № 94(3186). Стр. 7

Шяуляйское следственное отделение закончило следствие по делу смерти жеймялиского врача-ветеринара Авижениса. Человек, который принимал участие в следствии, объяснил нашему сотруднику следующее: «Следствие уже почти полностью закончено, в сумме

было опрошено свыше 200 свидетелей – из самого Жеймялиса и окружающих местечек. Последнее расследование никаких новых деталей в дело не ввело. Обвинительное заключение в основном составлено из объяснений доктора Вайтекунаса из Ионишкис и родственников Авижениса. Один из свидетелей, который показал, что еврейские мясники причастны к смерти врача-ветеринара, христианский мясник, и его показания против евреев, видимо, по причине мести. Осталось допросить несколько неосновных свидетелей, среди них врача-ветеринара из Ионишкис Лопаса.

Тело Авижениса следователи решили вторично не вскрывать. Вскоре будет составлен обвинительный акт против 5 еврейских мясников, и процесс будет проходить в шяуляйском окружном суде».

На Песах жеймялиссские евреи пережили много страха, особенно в последние дни, когда в местечко собрались по поводу христианской пасхи много крестьян из окрестных деревень. Вечером евреи закрылись в своих жилищах и не стали вечером выходить на улицу, Порядок в местечке не был нарушен.

----- 000 -----

Осложнения в Жеймялиссском деле

«Ди идише штиме» 19 мая 1930 г. № 115(3207). Стр.2.

Беседа с прокурором Верховного трибунала г. Калвайтисом.

В ближайшее время в гражданских и военных судах предвидятся громкие процессы. Должен начаться процесс по делу бывшего премьер-министра г. Петрулиса, возможен процесс над жеймялиссскими еврейскими мясниками, которые обвиняются в убийстве ветеринара Авижениса... и т. д.

Следствие по этим делам ведется под наблюдением прокурора Верховного трибунала г. Калвайтиса.

В субботу 17 мая г. Калвайтис принял наших сотрудников и поделился с ними следующей информацией об этих процессах:

- В каком состоянии процесс о жеймялиссских мясниках? – был наш первый вопрос.

- Дело, – отвечает Калвайтис, - в последнее время очень осложнилось. На прошлой неделе был прислан отчет прокурора Шяуляйского окружного суда г. Бражинскаса. Во время следствия выяснилось, что первый вывод медицинской экспертизы, проведенной врачом из Ионишкис Вайтекунасом, не совпадает с его последними показаниями. Из них выясняется, что мы имеем дело не с несчастным случаем, как раньше думали, а с убийством. Поэтому я рекомендовал

прокурору выкопать труп Авижениса и произвести экспертизу повторно. Эта экспертиза должна быть выполнена под руководством шефа военного госпиталя, полковника, приват-доцента д-ра Ожялиса и профессора Хагерторна (тело покойного уже выкопано)...

М. Рабинович

----- 000 -----

Результаты Жеймялисской экспертизы держатся в секрете

«Ди идише штиме» 20 мая 1930 г. № 116(3208). Стр. 8

Как уже сообщалось во вчерашней газете, рекомендовано провести повторную экспертизу тела жеймялисского ветеринара Авижениса. Для ее осуществления из Каунаса выезжали приват-доцент д-р Ожялис и профессор Винтелерис (профессор Хагерторн не поехал). Эксперты-медики уже вернулись в Каунас. На официальном уровне они сообщили нашему сотруднику, что тело Авижениса «выкопано и вскрыто в четверг 15 мая. Врачи должны были сформулировать свои выводы о результатах экспертизы еще в понедельник. Об этих выводах будет сообщено следователю по особо важным делам Шяуляйского окружного суда г. Янкусу. Результаты экспертизы являются секретными, так как они могут сказаться на ходе следствия».

----- 000 -----

Жеймялисские мясники снова арестованы

«Ди идише штиме» 26 июня 1930 г. № 146(3238). Стр. 7

Жеймялис (по телефону). Жеймялисские еврейские мясники, которые были вызваны на допрос в Ионишкис, сразу же по прибытию были арестованы и вывезены в Шяуляй. Еврейское население Жеймялиса переживает страшное время. Особенно все боятся воскресенья, на которое выпадает большой христианский праздник, и темные элементы собираются использовать этот момент, чтобы науськать приехавших крестьян на евреев.

----- 000 -----

Как арестовали жеймялисских мясников

«Ди идише штиме» 27 июня 1930 г. № 148(3240). Стр. 13

Жеймялис (специально). Четверо обвиняемых мясников и большое количество свидетелей получили повестки прибыть 24 июня

к следователю на допрос. После допроса свидетелей следователь вызвал обвиняемых и объявил им, что они арестованы.

Как объяснил следователь, он арестовал их потому, что расследование уже закончено, и он передает материал в суд. Евреи местечка находятся в подавленном настроении. После нападения 19 июня рабочих, занятых на мелиорационных работах, на евреев, трое из нападавших установлены и арестованы. Местные антисемиты используют факт ареста четырех евреев, и местечко боится, что беспорядки будут продолжаться. Особенно боятся 29 июня, праздника в честь св. Петра, когда в местечко прибудет много крестьян и рабочих. Арестованные евреи Лейзер Ман, Абрам Флейшман, Абрам Шнайдер и Матис Лакунишок уже привезены в Шяуляй.

Прокурор Верховного трибунала Калвайтис об аресте жеймялисских мясников. Экспертиза установила: Авижениса убили

Как мы уже объявили, вследствие смерти жеймялисского ветеринара Авижениса, в последние дни вновь были арестованы четверо¹³ жеймялисских мясников.

Прокурор Верховного трибунала г. Калвайтис, под чьим присмотром проводится следствие по этому делу, рассказал нашему сотруднику о причине их ареста: об аресте мясников Калвайтис узнал от нашей газеты в среду 25 июня. В четверг 26 июня г. Калвайтис по телефону обратился к прокурору Шяуляйского окружного суда. Последний это известие подтвердил. Мясники арестованы потому, что последняя медицинская экспертиза, которую провели каунасские эксперты профессор Винтелерис и доцент полковник Ожялис, показала, что Авиженис был убит и брошен в колодезь. Арест мясников был поручен следователю по особо важным делам при Шяуляйском окружном суде г. Янкусу. Арестованные содержатся в Шяуляйской окружной тюрьме. Следствие закончится в начале июля, и арестованные мясники будут переданы в суд. Возможно, из тюрьмы их освободят до осени, пока следствие не будет полностью закончено. Освобождение будет зависеть от Шяуляйского окружного суда.

Жены арестованных Флейшмана и Шнайдера приехали в Каунас искать справедливости. Они были также в Шяуляе у следователя и просили освободить их мужей до суда под залог, но их просьба была отклонена.

Несчастные женщины рассказывают о тяжелом настроении, которое владеет Жеймялисом. Семьи арестованных вообще живут в вечном страхе и ночью спят в одежде, если вдруг на них нападут.

В Каунасе они были на приеме у прокурора Калвайтиса.

Еще одного еврея избили в Жеймялисе

Жеймялис (специально). В пятницу вечером еврейский житель Арон Якушок, который плохо видит, шел от вокзала в местечко. По дороге на него напал незнакомец и камнем пробил ему голову. Окровавленный Якушок еле добрался домой. Хулигану удалось бежать.

Местечком овладело беспокойное настроение. Все боялись базарного дня, когда туда за зарплатой должны были приехать рабочие. Но ее им в тот день не выплатили, и поэтому в местечке осталось мало рабочих.

----- 000 -----

Вокруг будущего процесса над жеймялисскими мясниками

«Ди идише штиме» 10 июля 1930 г. № 158(3250). Стр. 7

Как уже стало окончательно известно, в суд передаются дела на четырех жеймялисских мясников, которых осуждают за убийство местного ветеринара Авижениса.

Официальный источник сообщает, что обвинительный акт составляет главный прокурор Шяуляйского окружного суда г. Бразинкас, который выступит обвинителем в суде.

Процесс будет вести председатель Шяуляйского окружного суда. Медицинскими экспертами в суд будут приглашены: шеф военного госпиталя, доцент Государственного университета, полковник доктор Ожялис, проф. Винтелерис, врач Шяуляйского округа и Ионишкис Вайтекунас. Вышеназванные лица, как уже сообщалось, участвовали во вскрытии тела Авижениса. Теперь они приглашаются в суд для дачи устных показаний.

Процесс начнется не раньше, чем в сентябре-октябре.

----- 000 -----

Дело Жеймялиса в конце октября

«Летувос жиниос» 29 августа 1930 г.

Посчастливилось узнать, что в известном деле Жеймялиса (про убийство д-ра Авижениса) прокуратура уже составила обвинительный акт, и дело передано в Шяуляйский окружной суд.

По делу обвиняются Абрам Флейшман, Абрам Шнайдер, Лейзер Ман, Матис Лакунишок по статьям 51 и 455 Уголовного кодекса, т. е. – что все они вместе убили служащего при исполнении им служебных обязанностей.

Как уже сообщалось, 27 августа вышеназванных лиц (они все содержатся в тюрьме) вызвали в Окружной суд, где им было предъявлено обвинительное заключение.

В соответствии с законами обвиняемые в течении 7 дней могут указать суду новые обстоятельства и просить вызвать новых свидетелей. По истечении этого срока суд назовет дату, когда дело будет рассматриваться.

Уже теперь почти ясно, что дело будет рассматриваться в Шяуляе в конце октября месяца или в первые дни ноября.

Уже выяснено, что обвиняемых будут защищать адвокаты Венслаускас, проф. Станкявичус и Робинзон.

Их будет обвинять прокуратура и – доцент К. Шалкаускас.

Делом интересуется общество. На заседания суда приглашаются и многие врачи, в том числе доцент полковник Ожялис, проф. Винтелерис и др., которые утверждают, что ветеринар Авиженис не утонул, а был убит и потом утоплен.

----- 000 -----

В чем обвиняются жеймялиссские евреи?

«Ди идише штиме» 18 сентября 1930 г. № 217(3309). Стр. 7

Путаница вокруг таинственного убийства.

Как уже известно, на 3-4 ноября с.г. в Шяуляйском окружном суде назначен процесс над жеймялиссскими мясниками, которые обвиняются в убийстве врача-ветеринара Авижениса во время исполнения им своих обязанностей. Этот процесс вызвал большой интерес в обществе, поэтому мы здесь освещаем основные положения обвинения мясников Абрама Флейшмана, Элиезера Мана, Абрама Шнайдера и Матитьяху Лакунишка.

Мы описываем событие, как оно запечатлено в официальном источнике. Конечно, суд должен будет разобраться в путанице, которой опутано таинственное событие.

22 февраля 1930 г. около половины одиннадцатого вечера на квартиру врача-ветеринара Казиса Авижениса пришел один из жеймялиссских мясников, который пригласил врача придти на бойню сейчас же, чтобы тот осмотрел и отштамповал только что забитый скот. Д-р Авиженис согласился пойти, и он взял с собой портфель с печатями, револьвер, электрический фонарик и ключи от своей квартиры, чтобы ночью не будить своих домашних. Жене он сказал, что вернется, но около часа ночи. Проснувшись, она заметила, что мужа все еще нет. Поэтому она вышла его искать и сразу обратилась к шефу районной пограничной полиции Венцлаускасу, с которым она и пришла на бойню. Они нашли бойню запертой, и поэтому зашли к живущему поблизости мяснику Элизеру Ману, который на вопрос шефа полиции ответил, что доктор был на бойне, но он уже ушел. Тогда они вернулись к бойне и случайно заметили в находящемся поблизости к ней колодце шапку врача. Сразу же были вызваны помощник шефа полиции, двое полицейских и хозяин бойни г. Фельдман. С помощью крюка полицейские вытащили из колодца тело доктора Авижениса, которое уже совсем остыло и не имело признаков жизни. Когда его тащили из колодца, над поверхностью воды сначала появилась голова. Это показывает, что доктор упал в колодец не вниз головой, а вниз ногами. В колодце он не мог перевернуться, тот очень узкий – квадрат со стороной в один метр¹⁴. Кроме того, в колодце был найден портфель доктора с печатями и тушью, а на подоконнике бойни - электрический фонарик покойного.

Колодец, в котором было найдено тело покойного, находится на расстоянии 270 см от стены и около четверти метра от угла здания бойни. Колодец не огорожен, и его глубина составляет 4 м. Уровень воды на 70 см ниже уровня земли. Когда тело вытащили, из носа покойного потекла струя красной жидкости, видимо, кровь с водой, и на лбу над носом его был красный шрам.

Тело увезли в морг жеймялиссского волостного управления, где его обследовал и вскрыл врач Шяуляйского округа Вайтекунас. Никаких следов алкоголя найдено не было. После вскрытия окружной врач пришел к выводу, что перед тем, как Авиженис упал в воду, его ударили в правую часть головы, у уха, твердым тупым предметом, от чего он оглох, и в таком состоянии, потеряв сознание, упал в воду. После того, как второй раз тело было вскрыто, к такому же выводу пришли полковник доктор Ожялис и профессор Винтелерис.

Принимая во внимание результаты вскрытия тела, было заведено предварительное следствие. Удалось установить, что в тот

вечер, когда вызвали Авижениса, на бойне были только жеймялиссские мясники Абрам Флейшман, Элиезер Ман, Абрам Шнайдер, Матитьяху Лакунишок и двое несовершеннолетних детей. Доктор Авиженис осмотрел мясо, но он не согласился его штамповать, что вызвало недовольство мясников. Окончив работу, доктор обратился к мяснику Лейзеру Ману дать ему воду, мыло и полотенце, указав, что они всегда должны быть на бойне. Тогда Ман нервозно ответил, что доктор не должен так обращаться с ним, он не пастух. Что позже произошло на бойне, еще не удалось выяснить, но доктор Авиженис больше домой не вернулся, и был найден мертвым в колодце.

Доктор Авиженис был новоприбывшим в Жеймялисе, и при составлении обвинения подчеркивается, что врагов он здесь иметь не мог. Он мог только возбудить серьезное недовольство у мясников ответственным отношением к своим обязанностям врача-ветеринара. Уже с первых дней по прибытию в Жеймялис он пожаловался своему брату Иозасу Авиженису, что не может хорошо ужиться с еврейскими мясниками, потому что те не исполняют его законных требований и высмеивают его. Они не выполнили также его требования оградить колодец. Это засвидетельствовал Иозас Пранулис, который показал, что бывший жеймялиссский фельдшер Рудзинскис очень избаловал мясников: они забивали скот даже не на бойне, а где хотели, и в мясных лавках было очень грязно. Прокуратура подчеркивает, что законные требования нового доктора Авижениса очень не нравились мясникам, которые начали его высмеивать и передразнивать. Особенно выражали свое недовольство Матитьяху Лакунишок и Лейзер Ман, которые при свидетеле Пранулисе говаривали, что такой врач не должен жить. Свидетель Ледерис тоже однажды слышал, как мясник Лейзер Ман плохо отзывался о докторе Авиженисе. Целый ряд других свидетелей подтвердили, что жеймялиссские мясники были настроены против доктора Авижениса и искали способ, как от него избавиться. Такая возможность представилась в ночь на 23 февраля, когда он пришел на бойню. По всем признакам видно, что вышеназванные мясники тупым и твердым предметом оглушили доктора Авижениса и его, еще подающего слабые признаки жизни, вбросили в колодец, чтобы спрятать следы и симулировать несчастный случай. Других личностей, заинтересованных в устранении доктора Авижениса, тогда на бойне не было.

В тот же день, когда произошло убийство, свидетельница Она Кунишаускене, проходя несколько раз мимо колодца, видела, что поверхность воды в нем полностью замерзла и осталась только

прорубь, чтобы набрать ведро воды. Поэтому она очень удивилась, когда услышала, что в колодце нашли тело доктора Авижениса, и что льдом было покрыта только треть поверхности воды. Из этого видно, что лед был прорублен ночью специально, чтобы туда вбросить тело доктора Авижениса.

Так гласит официальный обвинительный акт.

Обвиняемые мясники не признали себя виновными и объяснили, что по окончании работы доктор умыл руки и ушел. Они вышли через 5-10 минут и не слышали никакого шума или криков. Как сумел доктор Авиженис упасть в колодец, они не понимают. На основе вышесказанного названные мясники обвиняются по статьям 51 и 455 уголовного кодекса в том, что оглушили и утопили врача-ветеринара Авижениса. Дело передается в Шяуляйский окружной суд.

На процесс вызываются 33 свидетеля.

М.Р.

----- 000 -----

Кто убил врача ветеринара Авижениса?

«Летувос жиниос» 4 ноября 1930 г. № 251(3450) Стр. 1, 3
(От нашего специального корреспондента)

Уже началось известное Жеймялисское дело. Что на суде сказала жена д-ра Авижениса. На суде выступила новая важная свидетельница. Обвиняемых суд допрашивал отдельно, и их показания были противоречивы. Осложнилась защита первого обвиняемого. В споре против оков выиграли адвокаты.

Уже с самого утра группа людей стояла возле Шяуляйского окружного суда. Коридоры суда полны свидетелей, друзей, родных и знакомых подсудимых.

В половине девятого к зданию суда подъехал черный автомобиль: привезли обвиняемых. Из металлических дверей вышли четверо в оковах. Когда показались арестованные, их родные и близкие сгрудились у дверей здания суда, в коридорах поднялся очень большой шум: кричали разными голосами и плакали.

В половине десятого конвоиры усадили арестантов на скамью подсудимых.

Состав суда и эксперты. Председатель Эйнорис, члены Адомавичус и Борткявичус; государственный защитник – Нутаутас; гражданский исковой представитель жены и матери погибшего врача Авижениса адвокат М. Слежявичус;

Подсудимых защищают: Венцлаускас, проф. Станкявичус и Робинзон. Эксперты: д-р Ожялис, проф. Винтелерис, врач Шяуляйского округа Вайтекунас. Со стороны обвиняемых эксперт д-р Захарин. Эксперты д-р Кузма и со стороны подсудимых д-р Гусевас не явились.

По предложению прокурора было решено д-ра Кузму вызвать телеграммой на завтрашнее заседание.

Скамью подсудимых заняли: Абрам Флейшман в возрасте 65 лет, Абрам Шнайдер гражданин Латвии, из Бауска 30 лет, Лейзер Ман 64 года и Матис Лакунишок в возрасте 16 лет.

Адвокат Слежявичус увеличил гражданский иск матери и жены погибшего врача Авижениса на 50 000 лит и 36 000 лит соответственно. Суд это увеличение принял.

Большие споры сторон возникли о новой свидетельнице. Гражданский исковой, адвокат М. Слежявичус сообщил суду, что Авиженене на заседание суда привела новую свидетельницу, а именно Розалию Бушманене, которая в ту ночь слышала шум.

Предложению Слежявичуса от имени защитников сильно воспротивился проф. Станкявичус.

Прокурор предложение Слежявичуса поддержал. Посоветовавшись, суд объявил, что новая свидетельница Бушманене будет выслушана.

Потом обсуждался вопрос о снятии оков. Так как на заседание суда администрация тюрьмы привезла всех подсудимых в оковах, проф. Станкявичус заявил, что тут нет никакой опасности, что подсудимые могут сбежать. Кроме того, двое подсудимых пожилые люди, а третий несовершеннолетний. Суд приказал конвоирам оковы снять. Но так как оковы на ногах были заклепаны, то без кузнеца их снять не могли.

Всем подсудимым администрация тюрьмы сняла оковы во время обеденного перерыва.

Обвинительный акт. После этого секретарь суда Домейка зачитал обвинительный акт. Самые существенные факты в нем следующие:

«Врач ветеринар Казис Авиженис приехал в Жеймялис 9 февраля. 22 февраля около 10 ч. 30 мин. в его квартиру зашел какой-то жеймялисский мясник и пригласил его в бойню проверить и отштамповать мясо зарезанных животных. Авиженис согласился. Выходя, сказал жене, что скоро придет. Проснувшись около часа ночи, Авиженене заметила, что муж еще домой не вернулся, и пошла его

искать с начальником пограничной районной полиции Венцлаускасом, с которым они обошли все местечко, зашли на бойню, но нашли ее закрытой. Тогда они зашли к мяснику Лейзеру Ману, который сказал, что врач был на бойне, но убежал. Эльзе Авиженене и Венцлаускас опять вернулись на бойню и случайно заглянули в находящийся на бойне неогороженный колодец и увидели в нем плавающую шапку Авижениса. Труп вытащили. Вскрытие сделал врач Шяуляйского округа Вайтекунас. На основании осмотра и вскрытия врач сделал вывод, что врач-ветеринар Авиженис до того, как попал в колодец, получил удар в правую часть головы твердым и тупым предметом и в таком состоянии оказался в воде. Учитывая то, что у Авижениса в легких был воздух, а во внутренностях только сухая пища, он, по мнению эксперта, попал в воду еще еле живой. В районе правого уха ему была нанесена рана чужой рукой несколько раньше, чем он упал в колодец. Если рана была бы ему нанесена при падении от удара о стенки колодца, то у Авижениса, хоть и потерявшего сознание, дыхание и работа сердца не могли бы опуститься до минимума, и тогда в легких и в желудке была бы найдена вода. Кроме того, если бы он упал в колодец, его раны и царапины на коже имели бы не горизонтальное, а вертикальное направление. Рана в районе уха смертельная. Сделав повторное вскрытие трупа врача-ветеринара Авижениса, д-р Ожялис и проф. Винтерелис пришли к такому же выводу.

Во время следствия было выяснено, что в тот вечер, когда Авиженис был в бойне, там были только жеймялиссские мясники Абрам Флейшман, Лейзер Ман, Абрам Шнайдер, Матис Лакунишок и их двое малолетних детей. Авиженис осмотрел мясо, но не согласился его штамповать. Таким его поведением мясники остались недовольны. Кончив работу, он обратился к Лейзеру Ману с просьбой дать ему воды помыть руки, мыло и полотенце, заметив при этом, что вода и полотенце всегда должны быть в бойне. Тогда Ман, видно разозлившись, повышенным голосом сказал Авиженису, чтобы тот его не ругал, потому что он не пастух.

Первое оправдательное слово подсудимых. По прочтении обвинительного заключения, обвиняемым разрешается дать по очереди свои объяснения. Прокурор попросил суд, чтобы первое слово им было предоставлено изолированно друг от друга. В зале суда остается Абрамас Флейшман. Это старик 65 лет, Черные волосы, рыжая борода. Сгорбившись, оглядывается и опять опускает голову.

Он все время повторяет: «Я ничего не знаю, с Авиженисом не ссорился». Подтверждается признание Флейшмана, что он левша. (Удар по голове Авиженису нанесен с левой стороны).

Вторым объяснения дает Шнайдер. Он говорит по-латвийски и по-еврейски. Во время следствия Шнайдер сказал, что Ман был зол на врача и сказал: «Не кричи, я не пастух». Теперь Шнайдер отрицает свое показание. Когда прокурор спросил Шнайдера о Флейшмана, последний, сидя сзади него, начал ему подсказывать. Суд сделал Флейшману замечание и отсадил его дальше. Шнайдер – извозчик из Бауска, гражданин Латвии.

Лейзерис Ман - типичный жемайтский еврей. Ман сознается, что сказал врачу: «Не кричи, я не пастух», Также Ман сказал, что вращал в тот вечер подвешенное мясо, и так его руки стали жирными.

Обвинителям это обстоятельство было важным, так как на воротниках пальто и пиджака погибшего были обнаружены жирные пятна.

Последним выступает Матис Лакунишок.

Все подсудимые не признают себя виновными. Только путаются при показаниях. Не совпадают их показания на суде с показаниями, данными во время следствия. Не одинаково они рассказывают о том, как собрались в бойне, как пришел и вышел д-р Авиженис и т.д. Кроме того, Флейшман очень нервничает.

Свидетели. В суд вызвано 33 свидетеля. Первой вышла жена погибшего врача-ветеринара Эльзе Авиженене – элегантная дама, в возрасте примерно 25 лет. Приблизившись к столу и увидев одежду мужа, сказав пару слов, она теряет сознание. Служащий приносит стул, эксперты приводят ее в чувство водой. Суд объявляет перерыв.

Авиженене трудно говорить и после перерыва. По ее словам, в ту ночь, когда муж был убит, их служанка, проснувшись в полночь и узнав, что Авиженис не пришел, крикнула: «Врача убили мясники».

Муж говорил, что в Жеймялисе трудно исполнять обязанности врача-ветеринара, так как мясники настроены против него и мстят.

Авиженене припоминает и то, что в тот день одежда мужа была в порядке, а после убийства одна пуговица на пиджаке была оторвана.

Кроме того, Авиженене сказала, что в тот вечер к ним пришел какой-то мужчина пригласить мужа в бойню. А Лакунишок утверждает, что вызвать врача шла его мать.

И. Кауныцкис

----- 000 -----

Первый день Жеймялисского процесса

«Ди идише штиме» 5 ноября 1930 г. № 251(3343) Стр. 7

Большуший интерес к процессу. Подсудимые в кандалах. После вмешательства защиты кандалы сняты. Кто же подсудимые. Все подсудимые считают себя невиновными. Главный инициатор процесса. Откуда взялись шрам на лбу, жирные пятна на пиджаке? Был ли Авиженис пьян? Заслушивание свидетелей.

Утреннее заседание

В понедельник 3-его ноября Шяуляйский окружной суд начал разбирать дело жителей Жеймялиса Мана, Лакунишка, Шнайдера и Флейшмана, которые обвиняются в убийстве врача-ветеринара Авижениса.

Процесс назначен на 9 утра, но уже с раннего утра коридоры окружного суда переполнены прибывшими свидетелями, родными и близкими подсудимых и немалым числом шяуляйцев, сильно заинтересовавшимися процессом. Вход в зал заседаний разрешен лишь ограниченному числу родственников. Посторонних из-за недостатка мест в зал вообще не допускают. Представители прессы выказали особый интерес к процессу. Например, «Летувос айдас» делегировал на процесс заместителя редактора г. Грицюса.

В 9 утра в зал уже собрались все заинтересованные. Из защитников нет только адвоката Рубинштейна, который заболел и не смог прибыть на процесс.

До начала процесса послышался дикий вопль перед самым зданием суда: привезли четырех обвиняемых. Увидев что их руки и ноги закованы в тяжелые кандалы, родные подняли плач. Обвиняемых вводят в зал. Тяжелые кандалы производят на всех гнетущее впечатление.

Защитники поднимают вопрос о кандалах.

Как передают, эти кандалы и на судей производят такое же впечатление. Но снять такие цепи – сложное дело. Сделать это без помощи кузнеца невозможно, и этот акт временно откладывается. Пока обвиняемые остаются сидеть в тяжелых цепях. При малейшем движении цепи звенят, и на это мгновенно реагирует зал.

Все присутствующие зашевелились, когда услышали объявление, что суд идет. Процесс начался с обыкновенной процедуры ознакомления с личностями обвиняемых, свидетелей, экспертов. Гражданский иск предъявляется через г. Слежявичюса. Он просит вызвать нового свидетеля, который в ту страшную ночь слышал крики возле бойни. Защита высказывается против и требует,

по крайней мере, по этому поводу о выполнении некоторых формальностей, но после короткого перерыва суд решает нового свидетеля вызвать.

После того, как секретарь суда прочитал обвинительный акт (содержание акта наша газета уже осветила), прокурор просит заслушать каждого обвиняемого отдельно. Его просьба удовлетворяется. В зале остается только Флейшман

Он стоит один, крепко сложенный, у стола судьи. Ему примерно 50 лет. Создается впечатление, что кандалы и тяжелое обвинение сломили его раньше времени. Он среднего роста, лицо сильно похудело, бледный, все время плачет, и время от времени нервно дергает бороду. На вопросы председателя сначала отвечает с плачем, фразы у него вырываются с хрипом: «Я ничего не знаю». Адвокат Венцлаускас просит его на идиш успокоиться. На короткое время он успокаивается и отвечает на все вопросы, пока из него опять не вырывается плач, и он остается сидеть, совсем сломленный, до конца заседания. Флейшман объясняет: «На бойню в ту ночь он пришел последним. Он не мясник, он только извозчик. Христианин-продавец в Ионишкис просил его привезти несколько окороков мяса из Жеймялиса. Он все время выполнял такие просьбы. За перевозку ему платили иногда два литы, а иногда и меньше. На бойне он встретил мясников и ветеринара. Последний сказал, что мясо он отштампует завтра (были зарезаны три коровы). Он не слышал, чтобы между ветеринаром и мясниками произошел какой-либо спор. Авиженис ушел из бойни. На 10-15 минут позже ушли мясники.

Второй обвиняемый А. Шнайдер. Ему 22-23 года, интеллектуально плохо развит, родился в Бауске. Будучи гражданином Латвии, он имел постоянную визу и часто посещал местечки у границы, чаще всего Жеймялис, куда он возил салаку, а в Бауск привозил мясо. Литовского он не знал и пользовался переводчиком на идиш. На бойню он пришел, потому что Лакунишок, который уже забил две скотины, его позвал и предложил купить мясо. Но они не сошлись в цене. Прокурор устроил обвиняемому тщательный допрос и нашел определенные противоречия в его теперешних показаниях по сравнению с тем, что он говорил во время следствия. Обвиняемый объясняет, что он, не владея литовским языком, не знает, что было записано в протоколах следствия.

Адвокат д-р Робинзон задает обвиняемому несколько вопросов. Оказывается обвиняемый не имеет права жить в Литве, а только может сюда приезжать. Но, несмотря на это, его оба раза

арестовывали. Между первым и вторым арестом он не был в Литве. Будучи в Бауске, он узнал, что по делу Авижениса началось новое расследование, и поэтому он добровольно приехал в Литву, чтобы явиться к следователю.

Тяжело ступая, поддерживая руками массивные кандалы, приходит главный обвиняемый Лейзер Ман.

65 лет, мясник, хорошо владеет литовским, часто усмехается, по его самообладанию чувствуется сила духа набожного еврея. С наивностью верующего он отвечает на вопросы о взаимоотношениях между мясниками и ветеринаром: он у нас проработал только 8 дней, никаких разногласий у нас не было. Правда, он просил, чтобы мы всегда готовили для него воду, полотенце и мыло. В эту несчастную ночь мы забыли приготовить мыло. Он попробовал меня обругать, тогда я ему ответил, что он не должен так кричать на меня, потому что я не пастух. Это и был весь «скандал». Мясо он не штамповал, потому что у нас не было необходимого освещения. Он обещал утром отштамповать. С братом погибшего ветеринара, который был у нас ветеринаром полтора года, мы жили в мире. Также мы жили с ранее работавшими у нас ветеринарами.

Последним заслушали обвиняемого Лакунишка.

16 лет, он еле тащит пудовые кандалы на ногах. На многие вопросы он отвечает по-детски, выгораживая себя. Его спрашивают, в каких отношениях он был с погибшим Авиженисом. Он отвечает наивно: «Что общего он мог иметь со мной?»

Когда кончился допрос обвиняемых, началась процедура принятия клятвы свидетелями. Родные заинтересованных сторон от клятвы освобождаются. От клятвы освобождаются два свидетеля: один уже был судим за дачу ложных показаний, а второй уже осужден на 6 лет тюрьмы строгого режима.

Первой встает перед столом судьи жена погибшего Авижениса.

Сначала она отвечает спокойно на все вопросы. Но потом, когда ей показывают одежду ее погибшего мужа, у нее вырывается плач, и приходится сделать перерыв. Одежду забирают, и она заканчивает свои показания такими словами: «В субботу вечером мы с мужем приехали домой из гостей. Прислуга передала, что местные мясники уже несколько раз спрашивали о докторе, потому что они забили скот и хотели бы, чтобы доктор осмотрел мясо. Авиженис взял револьвер, карманный фонарик и штамп и ушел на бойню. Было около 11 часов вечера. Через пару часов, когда муж еще не вернулся, она начала беспокоиться. И служанка проснулась и сказала, что ей приснилось,

что еврейские мясники убили доктора». Г-жа Авиженене тогда обратилась к служащему пограничной полиции Венцлаускасу, кому она доложила, что ее муж пропал. Служащий оделся, и они вдвоем пошли на бойню. Бойня была уже закрыта на замок. Они вернулись в местечко и постучали в окно мяснику Лейзеру Ману, чтобы спросить, куда запропастился ветеринар. Лейзер Ман ответил: «Он был на бойне и ушел домой. Он сегодня был злой, и мы не смогли с ним договориться». Они тогда во второй раз пошли на бойню, и только тогда, заглянув в колодец, заметили на воде шапку, и впоследствии был вытасчен из колодца труп.

Свидетельнице был задан целый ряд вопросов со стороны обвинителей и защитников. Она отвечала, что не слышала о каких-либо спорах между мужем и мясниками; правда, муж как-то упомянул, что мясники не желают его слушать по части соблюдения чистоты. Там, где муж раньше работал ветеринаром, он хорошо ладил с мясниками, он с ними легко договаривался.

Требование гражданского иска. Г-жа Авиженене заявила, что поручает г. Слежявичюсу быть гражданским истцом на сумму 36.000 лит. Председатель спросил, почему такая сумма. Но г-жа Авиженене суду смету не представляет. Также мать погибшего подала гражданский иск на сумму 50.000 лит.

Что говорят свидетели обвинения? Особенно важны для обвинения свидетельства Лопаса, ветеринара из Ионишкис, который является главным инициатором возобновления следствия, а также и сегодняшнего процесса. Он рассказывает, что вскоре после несчастья с Авиженисом он был в Жеймялисе. Он туда поехал вместе с местными полицейскими осмотреть место, где произошло несчастье. По дороге полицейские ему объяснили, что в тот вечер Авиженис был пьян, и поэтому он упал в колодец, который не был огорожен, и вокруг него было скользко.

«Когда я пришел на бойню, я заметил, - рассказывает свидетель, - три полена, которыми можно стукнуть человека по голове, и мне сразу пришло в голову, что Авиженис погиб принудительной смертью. Позже, узнав об ударе в висок, следы которого были обнаружены на погибшем, о пятнах на пиджаке и кусочках мяса на воротнике шинели, я был уже убежден, что мы имеем здесь дело с убийством. Кстати, мне один знакомый из волости (Венцлаускас: Как его зовут? Свидетель: Я не знаю) рассказал, что умолял Авижениса не требовать строго с мясников, потому что они могут и отомстить».

Когда я прочел в печати, что власти закрыли дело мясников, я, будучи на съезде ветеринаров в Каунасе, поднял этот вопрос. Я был также у министра юстиции г. Жилинскаса с просьбой провести повторное расследование, и мне удалось этого добиться.

С показаний этого свидетеля заканчивается первое заседание и объявляется перерыв на обед.

Послеобеденное заседание

Оно длится до 9 часов вечера. Заслушиваются несколько основных свидетелей, в том числе служащий пограничной полиции Венцлаускас, жеймялисский полицейский Тяунялис, бывший участковый начальник полиции Жеймялиса Баранаускас, Иозас Авиженис (брат погибшего), сторож бойни Наримас и, под конец, ближайший к бойне житель Фельдман (христианин).

После перерыва обвиняемые введены в зал суда уже без кандалов.

Заслушивание свидетелей и вопросы обеих сторон (также судей, которые задают вопросы очень активно) выявили несколько основных моментов.

В первую очередь **удар в висок**. Как можно заметить защита изначально считала, что удар был получен при падении в колодец. Свидетели подробно опросили, было ли скользко около колодца, и о слое льда на поверхности воды в колодце. По показаниям сторожа бойни Наримаса¹⁵, он пробил лед в колодце в четверг днем (несчастье произошло в субботу ночью), но с одной стороны оставил слой льда толщиной примерно в 15 см. Также было установлено, что в ночь, когда произошло несчастье, было темно и туманно.

Во время заслушивания было выявлена другая возможность происхождения удара: погибшего искали в колодце и, наконец, его вытащили простым пожарным багром. Поэтому могло случиться, что его железными острями в колодце могли ударить погибшего.

Другой важный момент в этой истории **пятна на пиджаке и куски мяса на воротнике пальто**. По этому вопросу защита получила от свидетелей некоторые уточнения. Вдова Авижениса рассказала, что в субботу, будучи в гостях, муж ел жирную колбасу. Поэтому было бы не удивительно, если бы он жирными руками запятнал свой пиджак. Намного важнее были свидетельства сторожа Наримаса и Фельдмана, которые сказали, что из колодца черпали воду тем же ведром, которым выливали кровь и другую грязь из бойни от забитых животных. По просьбе защиты это ведро причислено к вещественным

доказательствам. Если принять во внимание, что это же ведро использовали, чтобы черпать воду, легко представить себе, что творилось в колодце. Видимо, колодец служил для отбросов бойни. Свидетель Фельдман сказал, что поверхностный слой воды в колодце выглядел как нефтяная яма: был жирный и с кусками всяческих отбросов бойни. Из этих свидетельских показаний ясно, что происхождение пятен на пиджаке и кусков мяса на воротнике пальто погибшего могло быть от воды в колодце.

Много внимания защита уделила тому, **в каком положении Авиженис лежал в колодце**. От свидетелей, которые вытаскивали труп, установлено, что Авиженис лежал в колодце спиной к бойне и лицом по направлению к дороге.

Защитник д-р И. Робинзон занялся вопросом **был ли Авиженис трезвым**. Отвечая на этот вопрос, вдова засвидетельствовала, что, будучи в гостях, они пили домашнее пиво. Полицейский Венцкаукас на вопрос Робинзона, что Авиженис «был не совсем пьян», ответил, что Авиженис был «в нормальном настроении».

Все свидетели должны были ответить на этот вопрос: **«Какие отношения были между Авиженисом и мясниками?»**

Ни один свидетель не слышал, чтобы между Авиженисом и мясниками были бы напряженные взаимоотношения. Единственным конфликтным вопросом был кусочек мыла, который ветеринар попросил ему подготовить, и эта просьба не была выполнена. Он выставил еще одно требование, чтобы колодец был огорожен. Это требование уже собирались выполнить. Кроме того, погибший был в Жеймялисе ветеринаром только восьмой день, а в бойню заходил лишь пару раз. Со всеми ветеринарами, работавшими там ранее, а также с братом погибшего, который проработал в Жеймялисе полтора года, у мясников не было никаких конфликтов. Ни бывшие, ни погибший ветеринар никогда не составляли протоколов на мясников, а также никогда не было случая, чтобы погибший или другие ветеринары не отштамповывали мясо. Последний раз Авиженис не штамповал, потому что было темно, и он отложил его на пору, когда будет дневное освещение.

Важным было свидетельство ближайшего к бойне жителя Фельдмана, который в ту ночь со стороны бойни не слышал никакого шума, никаких криков, которые якобы слышала свидетельница Бушманене, живущая от бойни в 2 раза дальше его.

Таковы вкратце основные моменты первого дня процесса.

Настроение вокруг него остается, как и раньше, подавленным. Особое внимание обращено на результаты экспертизы. Завтра будут оглашены ее документы. Процесс не кончится раньше вечера среды.

Еще несколько фактов. Защитники д-р И. Робинзон и проф. Станкявичус перед началом процесса были в Жеймялисе и на месте происшествия сделали важные выводы. Свидетельница Соломон вышла в город, и за это была оштрафована на 25 лит.

И. Жафер

Шяуляй, 3-его ноября

----- 000 -----

Кто убил врача-ветеринара Авижениса?

«Летувос жиниос» 5 ноября 1930 г. № 252(3451). Стр.1, 3

(От нашего специального корреспондента)

В деле жеймялисских мясников все свидетели уже опрошены. Во время процесса выявились новые обстоятельства. Сегодня предстоит решающая схватка.

Опрос свидетелей

Суд без очереди вызвал врача ветеринара г. Ионишкис доктора Лопаса по его собственной просьбе. Сразу же выяснилось, что доктор Лопас в этом деле сыграл важную роль. Он, во-первых, рассказал, что увидел в Жеймялисе, приехав туда сразу после того, как был найден труп Авижениса.

Лопас был вызван судебным следователем, чтобы осмотреть и запломбировать бойню в Жеймялисе. Доктор Лопас сразу же заметил некоторые признаки того, что Авиженис был убит и не стал жертвой несчастного случая.

Из колодца, где был найден труп Авижениса, лед был вырублен и выброшен. Следы насилия были видны над ухом, а отвороты пиджака были испачканы жиром.

Некоторое время спустя доктор Лопас услышал, что Жеймялисское дело прекращено, так как с доктором Авиженисом произошел несчастный случай.

На начавшем вскоре свою работу съезде ветеринаров Лопас доложил коллегам о событиях в Жеймялисе. Съезд поручил ему обратиться в министерство юстиции. Тогда дело возобновилось.

При опросе свидетеля Баранаускаса оказалось, что во время следствия свидетели не были изолированы, и что уже опрошенных допускали к еще не опрошенным.

При вызове свидетеля Фельдмана стороны неожиданно заволновались.

Адвокат Станкявичус представил суду ведро с просьбой приобщить его к делу. Видно, что оно грязное, что и раньше было обляпано кусками мяса. Этим грязным ведром черпали воду из того колодца, где найден труп Авижениса.

Обвинители опротестовали приобщение ведра к делу, но суд, посоветовавшись, решил ведро к делу приобщить.

Свидетель Кипчикас, который продал мясникам корову, сказал, что слышал, как мясники говорили, что «врач Авиженис все равно долго не будет».

Служащий Шяуляйской криминальной полиции Климка, войдя в зал как свидетель, вызвал у суда недоумение. Председатель суда сразу же укорил Климку за неправильное ведение следствия. Климка не обратил внимания на электрическую лампочку покойного, не видел, была ли его одежда чистой или с пятнами. Он только отметил, что на шинели не хватало одной пуговицы.

Врач Жеймялиса Саламонайте, первой констатировавшая смерть Авижениса, сказала, что труп не осмотрела, только видела его издали.

Служанка Авиженисов Сатакаускайте категорически утверждает, что видела, как господин выбросил старую батарейку и вставил в фонарик новую. Перед судом один господин пришел к ней и уговаривал сказать, что доктора пришла звать на бойню какая-то женщина (так говорит и один из обвиняемых).

Новые обстоятельства

Новая свидетельница Бушманене Розалия заявила, что в ту ночь, когда с Авиженисом случилось несчастье, слышала крик «ай». Голос был мужской, тонкий. В тот же самый момент были слышны и еврейские голоса, они шумели, спорили. Позже, когда Бушманене узнала от Авиженене, что голос покойного был тонким, она сделала вывод, что крик «ай» в ту ночь издал доктор. Что голос Авижениса не был низким, подтвердила и мать подсудимого Лакунишка.

Алексас Гашка показал, что в тот вечер Авиженисы заглянули к Гашкам в гости. Пили они хлебный квас. Не было ни капли водки. Не может быть и речи, что Авиженис уехал от Гашков выпившим.

Гашка не заметил также, чтобы одежда Авижениса была бы выпачкана. А когда Гашка увидел труп, издали можно было заметить жирные пятна. Кроме того, Гашка поднял вопрос о неясном отъезде

сына подсудимого Мана. Выяснилось, что этот сын сразу же после трагических событий куда-то выехал, оставив молодую жену и детей у ее родителей. Говорят, что младший Ман якобы выехал в Африку.

Одна пожилая женщина, Герта Бронерене, живущая возле бойни, в ту ночь, когда случилось несчастье, в полночь слышала большой шум, поднятый евреями. Этот шум показался Бронерене подозрительным, но она болела и не могла выйти из комнаты, посмотреть в чем дело. Тогда Бронерене обратилась к дочери и спросила, чего эти евреи такой шум подняли: там пожар или драка? Дочь ей ответила, ты, мама, болеешь, так и лежи. Но шум не утихал, и Бронерене опять попросила дочь, посмотреть, в чем дело. Тогда дочь открыла окно, посмотрела и сказала, что эти евреи что-то расшумелись.

Другие свидетели говорили, что якобы Авиженис им жаловался, что с жеймялисскими мясниками он трудно уживается и т.д.

Опрос свидетелей в суде закончился вечером в половине десятого. При этом было решено некоторых свидетелей опросить повторно. Им велено придти в суд завтра на утреннее заседание.

Эксперты работают всю ночь.

Прошлую ночь работали эксперты: проф. Винтелерис, др. Ожялис, др. Кузма (приехал), др. Захаринас. Сегодня эксперты будут докладывать.

В этом деле доклад экспертов играет важную роль. Основной вопрос и решающий момент: доктор Авиженис был убит или утонул.

Заинтересованность этим делом в Шяуляе очень велика. Весь день люди толпятся у здания суда, во дворах, в коридорах, так как зал заседаний – маленький.

Вчера в зале заседаний присутствовал генеральный секретарь Министерства юстиции г. Бразайтис. После обеда в зал приносят больше стульев и треть мест занимают шяуляйские дамы.

Во дворе суда публика забирается на поленницы дров, чтобы увидеть, что происходит в зале заседаний. Полиция, разозлившись, разгоняет людей, но они через полчаса собираются опять. В гостинице, где остановились адвокаты, эксперты, журналисты, по вечерам полно людей, и все ловят каждое слово.

В девять вечера газету получить уже невозможно.

Сегодня до обеда доклад экспертов, а потом с большим интересом ожидают прения сторон.

Есть основания ожидать, что завтра в четверг, будет оглашен приговор.

И. К.

----- 000 -----

Завтра будет вынесен приговор Жеймялисского суда

«Ди идише штиме» 6.11.1930 г. № 252(3344). Стр. 1

Экспертиза неблагоприятна для обвиняемых

Шяуляй (по телефону от нашего специального корреспондента). Всю ночь на среду экспертиза готовила ответы на вопросы защитников и прокуроров. Ответы экспертизы были зачитаны в суде сегодня утром. Эксперты также ответили на множество вопросов сторон.

В общем, выводы экспертизы неблагоприятны для обвиняемых. На вопрос, какой удар был нанесен Авиженису, эксперты ответили, что ему была нанесена рана в голову твердым предметом. Но нельзя установить упал ли он на этот предмет или этим предметом удар был нанесен кем-то.

На вопрос ударился ли Авиженис при падении в колодец, эксперты ответили, что такую возможность трудно допустить.

На вопрос что явилось причиной смерти, ответ был - от тяжелой раны головы, которая вызвала паралич сердца.

Все остальные выводы экспертизы уже не категоричные, и их может использовать как защита, так и обвинение. При оглашении результатов экспертизы настроение в зале суда стало еще более подавленным.

Сегодня, в среду, после обеда начались прения сторон. Ожидается, что к вечеру прения сторон и реплики будут закончены, и в четверг будет вынесен приговор.

----- 000 -----

Закончено заслушивание свидетелей на Жеймялисском процессе

Там же. Стр. 7

(От нашего специального корреспондента)

Что вспоминают свидетели.- Новейшая версия: где сын Мана? - Расстроена версия обвинения в связи с пятнами. - Маленький свидетель создает хорошее впечатление. - На какие вопросы должна ответить экспертиза? - Перед прениями сторон.

Второй день Жеймялисского процесса, четверг, 4 ноября начинается с заслушивания свидетелей. Все они, за небольшим

исключением, представляют сторону обвинения. Теперь свидетели знают много больше, чем знали при первом следствии. Они вспоминают теперь такие факты обвинительного характера, которые они тогда забыли или не обратили на них должного внимания. Такой свидетельницей является Эльжбета Бушманене, которая в ту несчастную ночь слышала у бойни крики и стон «ай».

Защитники спрашивают ее, почему она молчала раньше, почему она это не рассказала своему мужу, которого два раза допрашивали следователи. Почему она слышала о смерти Авижениса и молчала? Свидетельница на это ответила, что она боялась суда... Г-жа Авиженис приказала ей поехать в суд, и теперь она тут.

Другой свидетель такого же типа - небезызвестный Гашка, родственник вдовы. Он рассказывает о многих фактах даже тогда, когда председатель требует, чтобы он сел, но он все еще продолжает рассказывать, что покойный ему жаловался, что он не уживается с мясниками. Такой же обвинительный момент выдвигается и другими свидетелями, но в чем эта неуживчивость проявлялась конкретно, никто сказать не может. Напротив, установлено, что ни бывшие ветеринары, ни погибший, не составили ни одного протокола на мясников.

Свидетель Гашка выдвинул новую версию. После того, как Авиженис погиб, сразу же уехал в Африку один из сыновей Лейзера Мана. Обвинение схватилось за эту версию, как за спасительную соломинку, и со стороны обвинения посыпались вопросы в этом направлении.

Соседка Л. Мана, Бровене Грета, рассказывает, что в ту ночь она лежала в постели больная и слышала, как Ман громко говорил политовски. Она характеризовала Мана, который жил у нее 7 лет, с хорошей стороны. Другой свидетель слышал, что Ман сказал на Авижениса, что «он не доктор, а свинья».

Еще один свидетель Гейгалас тоже знает, что Авиженис жаловался, что боится еврейской мести. Гейгалас тоже слышал от кого-то, что тот слышал, как евреи сказали, что Авиженис долго ветеринаром в Жеймялисе не будет.

Также как в первый день, во второй обе стороны мучаются вопросом о жирных пятнах на пиджаке погибшего. Свидетель Гейгалас утверждает точно, как выглядели пятна: это были жирные пятна на лацканах пиджака, как будто кто-то жирными руками держался за эти лацканы. Кроме этих пятен пиджак был чистым.

Защита спрашивает этого свидетеля, почему он при первом расследовании промолчал об этом факте с пятнами, о которых теперь свидетельствует так точно. Свидетель сетует: он рассказал об этом следователю и не понимает, почему тот не внес это в протокол.

Откуда взялись эти пятна?

Лучшую и самую правильную версию по вопросу о пятнах дала свидетельница Бендер (христианка), которой вдова после произошедшего несчастья подарила костюм и пальто мужа, в которых его нашли в колодце. Бендер ответила на вопросы обвинения, что, получив одежду, она обнаружила жирные пятна не только на лацканах пиджака, но и во многих других местах, например, на обоих рукавах, на животе. Она это помнит хорошо, потому что стирала пиджак. Жирные пятна она также обнаружила на шинели, но не под воротником, а под грудью и на одном рукаве. Таким образом, свидетельница расстроила всю версию обвинения, которая основывалась на жирных пятнах на пиджаке.

С особым вниманием судьи, прокурор и адвокат по гражданскому иску прослушали и подробно расспросили свидетеля Хаима Лакунишка, которому 12 лет, младшего брата обвиняемого. От этого юного свидетеля, который в ту несчастную ночь помогал старшему брату сдирать шкуру забитых животных, была получена более ясная картина происходившего на бойне.

С непосредственностью и прямоотой ребенка, с его ясной памятью, он рассказал, что происходило на бойне, кто пришел сначала, кто потом. Как Авиженис перед уходом объявил, что придет завтра рано утром и отштампует мясо. С мясниками Авиженис не ссорился, он не был ими обозлен, перед уходом из бойни сказал: «Спокойной ночи». Он ушел, позже они ушли из бойни.

Г-дин Слежявичус и прокурор долго расспрашивали ребенка, и он отвечал очень спокойно и по существу. Картина произошедшего в ту ночь проясняется.

На дневном заседании заслушиваются еще некоторые свидетели, такие как служанка Авиженисов, Венцкаускене, мать обвиняемого Лакунишка и др. Но никаких новых фактов эти свидетели в дело не внесли.

Основные вопросы, которые были поставлены экспертизе, это, во-первых, о ране в голову и шрамах на коже. Были ли видны в области синяка на голове следы какого-либо давления на висок; не могла ли рана появиться в результате удара о сруб колодца при падении? Можно ли допустить, что шрамы на коже появились от

железного крюка, которым вытаскивали труп из колодца? Были ли замечены ранения на проборе? От какого удара скорее можно получить рану на голове: когда кто-то ударяет тяжелым предметом или при падении на тяжелый предмет, поскользнувшись, или при падении после толчка? Что явилось причиной смерти: а) кровоизлияние в мозг; б) сотрясение мозга; в) паралич сердца; г) нехватка воздуха в воде? Можно ли установить, когда наступила смерть: сразу же после удара, а если нет, то когда? Имеются ли факты, что смерть наступила в воде или нет? После удара Авиженис мог ли еще дышать физиологически или дышал еще чисто механически? В чем причина кровоизлияния из носа и ушей, которое было замечено при первом вскрытии? Могло ли произойти кровоизлияние уже после смерти. Тяжелее ли человеческая кровь воды? Какие выводы можно сделать из того, что после вскрытия было установлено, что кровь погибшего густая? Сколько времени надо, чтобы исчез запах алкоголя из организма?

Под конец был задан вопрос, возможно ли сотрясение мозг из-за падения на цементный пол бойни.

Экспертам вопросы были представлены в письменном виде. Эксперты взяли с собой судебные акты и совещались все послеобеденное время и ночью.

В половине седьмого суд вновь приступил к заслушиванию свидетелей, которое поздно вечером, наконец, закончилось.

Среди более существенных свидетелей надо отметить соседку свидетеля Фельдмана, которая слышала от него, что евреи что-то замыслили против Авижениса. На вопрос председателя использовал ли Фельдман слово «убить», свидетельница сказала, что он применял слово «отлупить». Между свидетельницей и Фельдманом организуется очная ставка. Фельдман оспаривает, что он это сказал.

Каролис Авиженис, ветеринар, брат погибшего, подготовился зачитать судьям доклад о проблемах ветеринарии в Литве. Но председатель просит, чтобы он говорил конкретно о случившемся в Жеймялисе. Свидетель рассказывает, что работал ветеринаром в Жеймялисе один год. Между ветеринарами и мясниками случаются разногласия. Тут свидетель рассказывает о таком случае в Расейняй. Председатель просит рассказать об его отношениях с мясниками в Жеймялисе. Из ответа Каролиса Авижениса выясняется, что у него лично не было никаких инцидентов с мясниками и не было никаких причин составлять на них протокол. Но его отношения с мясниками были чисто официальными. Он говорит, что все-таки с Луканишками

некоторые трения были, так как они посылали на бойню детей. Он не слышал, чтобы мясники на него жаловались. О несчастном колодце свидетель говорит, что он не казался ему очень опасным, но в то же время признается, что требовал колодец огородить.

Фельдшер Руджинскас, который в течение 2 лет исполнял обязанности ветеринара в Жеймялисе, рассказывает, что никаких особых пререканий с мясниками он не имел. Но в течение этих двух лет ему пришлось составить несколько протоколов.

К столу судей вызывают одного из младших братьев подсудимого Луканишка. Судебный пристав при этом сообщает, что посторонние люди пытались побеседовать с этим, еще не заслушанным свидетелем. Защитники заявляют, что они отказываются от этого свидетеля, чтобы не услышать каких-либо упреков в свой адрес. Поэтому мальчика не допрашивают.

Вызывают еще несколько свидетелей, перед которыми ставят ряд основных вопросов. По просьбе защиты и обвинения оставляют еще 10 свидетелей – все остальные освобождаются. Защита просит затребовать из тюрьмы иностранный паспорт Шнайдера. Из паспорта можно установить, что уже после того, как он был первый раз арестован по подозрению в убийстве Авижениса, он много раз приезжал из Латвии в Литву, невзирая на то, что латвийское правительство не выдало бы его литовскому правосудию как латвийского гражданина. Прокурор и адвокат по гражданскому иску высказываются против этого. Однако, профессор Станкявичус, мотивируя тем, что раз уж обвинение копалось даже в вопросе отъезда сына Мана в Африку, говорит, что эту просьбу надо поддержать: «Если хотят бросить тень на обвиняемых, то лучший пример их невиновности – добровольная явка Шнайдера в Литву, его твердая уверенность в своей невиновности, его добровольная явка на следствие». Доводы защиты не принимаются во внимание, и ее просьба отменяется.

Этим заканчивается второй день процесса. Как видно, никаких особых подвижек в деле за этот день не произошло.

Следующее заседание назначается на среду, на 10 часов утра, когда эксперты подготовят материалы, и только на предобеденном заседании начнутся прения сторон. На вечернем заседании можно будет уже ожидать объявления приговора.

Заинтересованность процессом все больше усиливается. Близлежащие к зданию суда улицы просто переполнены любопытными. Не будучи допущенными в зал, люди набрасываются

на газеты. «Ди идише штиме» через несколько минут, после прибытия в Шяуляй, уже нельзя достать даже за деньги.

И. Жафер

Шяуляй, 4 ноября

----- 000 -----

Участники Жеймялисского дела признаны виновными и наказаны

«Летувос жиниос» 6 ноября 1930 г. № 253 (3452). Стр.1, 3

(От нашего специального корреспондента)

Экспертиза для подсудимых не благоприятна. Прокурор требует каждому из подсудимых по 15 лет тюрьмы тяжелых принудительных работ.

Сегодня еще больше людей толпятся у здания суда, потому что ожидаются доклад экспертов и прения сторон.

Экспертиза

Доклад от имени экспертов сделал полковник доктор Ожялис. Прокурор в письменном виде задал экспертам 7 вопросов, и эксперты ответили на все эти вопросы письменно, а именно:

1 вопрос. Что было замечено при осмотре одежды доктора Авижениса? Если были найдены жирные пятна, есть ли данные, чтобы установить, какими жирами была испачкана одежда доктора?

Ответ. По данным протокола осмотра и в соответствии с обстоятельствами дела констатировано, что воротник и отвороты шинели Авижениса были испачканы кровью; отвороты на груди с обеих сторон испачканы застывшими нерастворимыми жирами.

2 вопрос. Что было замечено внешне при осмотре трупа Авижениса?

Ответ. Была замечена рана на правой стороне в области уха.

3 вопрос. Что было замечено при повторном вскрытии трупа Авижениса?

Ответ. Вопрос слишком широкий; отвечая на него, надо зачитать данные обоих протоколов вскрытия тела.

4 вопрос. Является ли рана на правой стороне в области уха результатом падения в колодезь или это сделано рукой постороннего?

Ответ. Рана нанесена твердым тупым предметом. Является ли она результатом падения или нанесена чужой рукой ни по данным протоколов экспертизы, ни в соответствии с обстоятельствами дела установить не удалось.

5 вопрос. Мог ли Авиженис, падая, удариться о сруб колодца или о другой предмет, после чего, потеряв сознание, упасть в колодец и утонуть?

Ответ. В соответствии с осмотром тела Авижениса и протоколами вскрытий, а также обстоятельствами дела, трудно допустить, что он сам, падая, ударился о сруб колодца и, потеряв сознание, утонул.

6 вопрос. Раненый Авиженис попал в колодец, хоть и без сознания, но с признаками жизни или был вброшен туда уже мертвый.

Ответ. В колодец Авиженис попал раненый или уже неживой, или со слабыми признаками жизни.

7 вопрос. От чего умер Авиженис?

Ответ. Авиженис умер от травматического удара по голове твердым и тупым предметом; эта рана повлекла за собой сотрясение мозга с излиянием крови в слуховую полость, в результате чего произошел травматический шок и паралич сердца.

Вопросы адвокатов

Защитники подсудимых также в письменном виде задали экспертам вопросы и на все получили ответы. Самые характерные вопросы, заданные адвокатами экспертам, следующие:

Вопрос. Есть ли данные, что шрам на носу покойного сделан крюком, которым тащили тело из колодца?

Ответ. Нет

Вопрос. Есть ли данные, что твердый и тупой предмет, которым ударили (или о который ударился) был не ровным, а изогнутым?

Ответ. Нет

Вопрос. Если кровь из носа и ушей текла, когда тело было в колодце, могла ли она испачкать одежду?

Ответ. Несколько испачкать могла, но остаться на одежде не могла.

Вопрос. На основании чего утверждается, что жиры, которыми была испачкана одежда покойного, были нерастворимыми?

Ответ. Свойство нерастворимых жиров, что они могут испачкать поверхность одежды, но не проникают внутрь ее.

Затем судьи и стороны задали экспертам дополнительные вопросы, желая уточнить ту или другую деталь.

Был задан вопрос, если бы Авиженис ударился, падая в колодец, и был бы поцарапан, могло ли произойти кровоизлияние в самой воде.

Др. Ожялис отвечает, что по законам физики кровоизлияние могло бы произойти, если бы Авиженис упал в колодец ногами вверх. Но в имевшем место случае кровоизлияние из головы произойти не могло.

Врач второго района г. Шяуляй др. Вайтекунас, сделавший первое вскрытие трупа Авижениса, предоставляет аналогичный пример, случившийся в его практике две недели тому назад. Именно: упавший в колодец подвыпивший гражданин, утонул. Падая, он сильно разбил лоб, и следы этого удара были найдены. Кроме того, при вскрытии все данные подтверждали, что он утонул. Про Авижениса этого сказать никак нельзя.

После этого др. Ожялис сказал, что Авиженису было бы достаточно сделать несколько вдохов, чтобы вода попала в легкие или желудок, но этого не произошло.

После окончания доклада экспертов повторно были допрошены еще несколько свидетелей, и судебное расследование было объявлено законченным.

Речь прокурора

Прокурор сказал, что выявляются два основных вопроса: был ли это несчастный случай или смерть доктора Авижениса была от посторонней руки.

Прокурор пришел к выводу, что Авиженис стал жертвой людей злой воли.

Эксперты и свидетели показали, что покойный был ранен в районе правого уха. Кто это сделал? Эксперты утверждают, что сам покойный не мог так пораниться. Это доказывают и вскрытия трупа, и данные судебного расследования.

Авиженис был трезвым, хорошо знал, где находится колодец, так как он мог упасть в него?

Прокурор не видит облегчающих обстоятельств и просит осудить обвиняемых не менее, чем по 15 лет тюрьмы тяжелых принудительных работ.

Речь присяжного адвоката М. Слежявичуса

«Главная задача суда - найти правду, сказал представитель гражданского иска М. Слежявичус. - Жена потеряла мужа, мать – сына. Нам, представителям гражданских исков, важно знать правду, был ли это несчастный случай или убийство».

После этого, Слежявичус анализирует обстоятельства, мог ли упасть нечаянно покойный в колодец, и приходит к выводу, что этого случиться не могло: «Во-первых, Авиженис хорошо знал колодец, и место вокруг бойни.

Надо ли было убивать? Говорят, что в доказательствах здесь много неясностей. Но убийства всегда окутаны туманом. Ведь каждый убийца старается выбрать такой момент, чтобы его преступные действия никто не видел. А большие криминальные дела и проходят при таких обстоятельствах.

Причина убийства и так ясна. Доктор требовал у мясников, чтобы они выполняли требования законов, а это мешало их бизнесу. Озлобленность возникла из-за куска хлеба».

И вообще, г. Слежявичус в своей речи доказывает, что преступление налицо, просит суд всех подсудимых признать виновными и удовлетворить гражданский иск пострадавших.

Защитники подсудимых категорически отрицают обвинения, предъявленные подсудимым.

Адвокат Венцлаускас сказал, что граждане, посаженные на скамью подсудимых, невиновны. У них не было оснований убивать доктора Авижениса. Есть налоговые инспекторы, изымающие налоги у населения, есть полицейские, составляющие протоколы, по которым граждане должны платить штрафы, но из-за этого никто ни полицейских, ни налоговых инспекторов не убивает. Так и здесь. По доказательствам, имеющимся в деле, подсудимых обвинить нельзя.

Просит оправдать.

Проф. Станкявичус говорил очень горячо. Основной момент его речи - новая версия того, как случилось несчастье. Могло случиться и так, что покойный, ударившись, еще несколько минут лежал без сознания, а потом только упал в колодец. В основном Станкявичус в своей речи оспаривал мнение экспертов.

Просит оправдать.

Адвокат Робинзон поднял вопрос о причинности и целенаправленности и пришел к выводу, что в этом случае ни причины, ни цели убивать не было. Кроме того, Робинзон удивляется, почему на скамью подсудимых не посажены Лакунишокене, которая в тот вечер пригласила врача на бойню, и дети, которые были на бойне. Так как если отвечать за содеянное, то должны все участники.

Судьбу подсудимых отдает на усмотрение суда.

Реплики были активными и продолжались до 11 вечера.

После реплик суд объявил дискуссии окончанными и разрешил подсудимым сказать последнее слово.

Первый из них Флейшман сразу начинает сильно плакать и клянется, что ничего не знает.

Подсудимый Ман предлагает отрубить ему палец в доказательство своей невиновности.

Шнайдер и Лакунишок также говорят, что они невиновны, и просят суд оправдать их.

Сегодня в 11 часов будет решение суда.

Заинтересованность делом нисколько не уменьшилась. В зале полно стоящих. Здание суда окружено людской толпой, время от времени слышан плач.

Подсудимые во время дискуссий все время плачут и падают в обморок. Им все время дают выпить воды.

К.

Решение суда.

В половине двенадцатого объявляется приговор, которым все обвиняемые признаются виновными:

Абрам Флейшман, Абрам Шнайдер, Лейзер Ман осуждены на 12 лет тяжелых принудительных работ, Матис Лакунишок, как несовершеннолетний, осужден на 5 лет обыкновенной тюрьмы. Гражданский иск удовлетворен.

----- 000 -----

Вынесен приговор жеймялисским мясникам: Ман, Флейшман, Шнайдер на 12 лет тяжелых принудительных работ; Лакунишок – 5 лет обычной тюрьмы. Гражданский иск удовлетворен

«Ди идише штиме» № 253 (3345) 7 ноября 1930 г. Стр. 1

Речи прокурора и защитников на Жеймялисском процессе

Там же. Стр. 7

Последнее заседание. – Выводы экспертизы: «Может быть так, а может быть иначе». – Не верят Каунасскому институту гигиены. – Авиженис упал в колодец мертвый или без сознания. Прокурор требует 15 лет тюрьмы строгого режима. – Речи адвоката по гражданскому иску и защитников.

(От нашего специального корреспондента)

В среду 5 ноября все время заседания до обеда заслушивается Экспертиза.

Как я уже писал, результаты экспертизы не очень благоприятны для обвиняемых. Есть даже такие выводы, которые очень на руку обвинению. И вообще, выводы экспертизы не очень конкретные: «Может быть так, а может быть иначе». По основным вопросам эксперты пришли к общему мнению. По второстепенным фактам существует разница во мнениях. В основном прокурора интересовал вопрос о пятнах на пальто и лацканах пиджака. Экспертиза отвечает, что пятна происходят от сырого мяса коров. На вопрос защиты могли ли пятна быть из колодца, полного нечистотами, д-р Ожялис отвечает, что это сомнительно. На замечание профессора Станкявичюса, что анализы института гигиены говорят, что на одежде были и просто пятна, не только от сырого мяса, д-р Ожялис отвечает, что, так как институт гигиены в первый раз не заметил никаких следов от сырого мяса, а только во второй раз нашел следы жира, он вообще не склонен доверять его анализам. Эксперт считает, что он больше доверяет свидетельствам ветеринара Лопаса, который говорит, что видел пятна животного происхождения.

В отношении показаний свидетельницы Бендерене, что на пиджаке было больше пятен, и не только на лацканах, д-р Ожялис считает, что остальные пятна могли появиться позже, когда пиджак был уже снят с покойного.

Покончив с вопросом о пятнах, эксперты отвечают на следующий вопрос: появилась ли рана на голове Авижениса, у правого уха от падения в колодец или от удара рукой постороннего?

Рана от удара тяжелым предметом. Происходит ли она от падения на этот предмет или от удара рукой постороннего – ключевой вопрос всех протоколов.

Невозможно установить

Вопрос: мог ли Авиженис удариться при падении в колодец или удариться о какой-либо твердый предмет и только, потеряв сознание от удара, упасть в колодец и задохнуться?

Выводы: опираясь на материалы вскрытия трупа и материалы дела, трудно допустить, что он ударился при падении, и, потеряв сознание, задохнулся.

Попал ли в колодец Авиженис раненый, мертвый, или без сознания со слабыми признаками жизни, но смерть наступила от раны в голову, которая привела к параличу сердца.

Один из судей спрашивает экспертизу, мог ли Авиженис, получив удар по голове, вскрикнуть «ай», как показала свидетельница Бушманене. Вывод следующий: может он и мог вскрикнуть «ай», а может и нет.

Отсюда следует еще один вопрос: как могло быть, что Авиженис, падая, не мог инстинктивно защитить голову и упасть на руку или на плечо. Экспертиза отвечает, что бывают случаи, когда, падая, все части тела остаются невредимыми, а ударяют только голову. Доктор Вайтекунас считает, что, ударившись при падении в колодец, покойный еще дышал бы и вдохнул бы воду. Но в легких Авижениса воду не нашли.

Все заседание до обеда проходит в вопросах и ответах экспертизы. В половине третьего председатель объявляет, что заслушивание экспертизы закончено. Эксперты получают свои гонорары: д-р Ожялис и профессор Вителер по 500 лит и покрытие всех транспортных расходов, д-р Кузма -400 лит, д-р Вайтекунас – 200 лит.

Выступления сторон

Заседание начинается в пять часов. Слово предоставляется прокурору:

- В течение этих двух дней судебного заседания, выслушивая свидетелей и экспертов, я пытался ответить на два вопроса: попал ли Авиженис в колодец случайно, и мы имеем дело с несчастным случаем, или это убийство, и убитый был сброшен в колодец. Из всех услышанных показаний я пришел к выводу, что он стал жертвой злых людей, и эти люди – те, кто сидят на скамье подсудимых.

Прокурор дальше освещает мотивы своих обвинений, опираясь на выводы экспертизы: откуда, например, взялась рана на голове убитого.

- Из выводов экспертизы мы знаем, что Авиженис упал в колодец, будучи уже без сознания, что до того он был уже убит. У нас нет повода не доверять экспертизе. Мы также знаем, что пятна на пиджаке и пальто принадлежат тем же рукам, которые потом вбросили Авижениса в колодец. У нас есть и другие свидетельства: карманный фонарик, который нашли на бойне. Покойный никак не мог его там забыть. Если он не взял его собой, то только потому, что он не мог уже этого сделать. Видимо, из бойни его вынесли. Факт, что портфель в колодце нашли открытым, тоже доказывает, что портфель вбросили в колодец, где уже лежал Авиженис.

Прокурор не допускает возможности, что Авиженис сам упал в колодец: была светлая ночь, и было известно, что на этом месте находится колодец. Вокруг колодца не найдены никакие следы падения или того, что он поскользнулся.

- Свидетели рассказали, о шуме в бойне, а также о возгласе «Ай», и поэтому ясно, что мы имеем дело с убийством. Спрашивается, кто убийца. Это только эти четыре обвиняемых. Взаимоотношения между ветеринаром и мясниками были плохие, между ними вечно бывали споры, и мясники думали, как от ветеринара избавиться. В ту несчастную ночь между ними возник конфликт из-за мыла и полотенца. Авиженис не хотел штамповать мясо, и мясники решили покончить с ним. Это самая правильная версия убийства. Подсудимые молчат, потому что они вместе избавились от Авижениса. Они виновны, и поэтому они должны быть наказаны по соответствующему пункту уголовного кодекса, т.е. по 15-ти лет тяжелых принудительных работ.

После последних слов прокурора из зала на стороне родственников раздался плач. Поднялся страшный шум. Председатель объявляет перерыв, и плачущих женщин удаляют из зала. Со стороны подсудимых тоже вырывается плач, который не прекращается во время остальных выступлений. Совсем сломленный сидит Флейшман. Из его глаз постоянно текут слезы, и губы шепчут молитву. Обвиняемый Шнайдер плачет, и, читая молитву, ломает руки. Молодой Лакунишок сидит, опустив голову и руки, и тихо всхлипывает. Только один совершенно седой мужчина сидит спокойно с постоянной надеждой на помощь Всевышнего.

В переполненном зале переговариваются о судьбе обвиняемых, пока не раздастся звонок. Судьи входят, и адвокат по гражданскому иску г. Слежявичус начинает свое выступление:

- Мы пришли сюда, чтобы разузнать правду и получить частичное вознаграждение за нанесенный ущерб. Вознаграждение мы сможем получить только тогда, когда обвиняемые будут признаны виновными. В основном я согласен с прокурором, что мы тут имеем дело с убийством, а не с несчастным случаем. Авиженис хорошо знал дорогу, и он сам не мог упасть в колодец. Он не был пьян, потому что в тот день он не распивал алкогольных напитков, а только несколько стаканов домашнего хлебного пива. Территория вокруг колодца была сильно замерзшей, а открытое отверстие в нем было очень узким. То, что сторож два дня назад разбил лед в колодце, ни о чем не говорит, так как за эти два дня вода могла снова замерзнуть, и мы знаем, что

колодец всего 1 м шириной. Если это не несчастный случай, то это преступление. Правда, никаких прямых доказательств, свидетельствующих против подсудимых, мы не имеем. Но мы имеем прямые доказательства, что это убийство. Мясники, которых ветеринар обслуживал, имели повод сердиться на него. Других, кто мог бы убить Авижениса, нет. Единственные, кто был на бойне и был заинтересованы в убийстве Авижениса, - это мясники. Они его и убили, и вбросили в колодец, чтобы симулировать несчастный случай.

Поэтому г. Слежявичус поддерживает обвинение и просит присудить вдове 36 000 лит и матери 50 000 лит.

Слово получает защита. Первым выступает адвокат г-н Венцлаускас, который своей железной логикой разбивает все доводы обвинения.

- Господин судья, обвиняемые не виновны в преступлении, которое им приписывают. Ни следствие, ни показания свидетелей, ни, наконец, экспертиза не показали, что их можно обвинить. Основой этого преступления мог быть акт страшной мести. Мотива такой мести со стороны обвиняемых нет и не могло быть. И, спросите себя, какое зло они могли держать на Авижениса, который с ними сотрудничал только неделю. Тут говорили о плохих взаимоотношениях, но разве можно говорить о порядочных людях, которые в течение всей жизни не были замечены ни в каких преступлениях, что они под влиянием такого мотива могли бы убить человека. Адвокат по гражданскому иску говорил о борьбе мясников с ветеринаром. Я хотел бы спросить, где мы видим борьбу. Кажется, что хуже, чем взаимоотношения населения с налоговыми инспекторами. Налоги, взимаемые с людей, - основа их недовольства. Мы знаем о постоянных жалобах налогоплательщиков, люди отказываются от торговли, от заработков из-за налоговиков. Но слышали ли мы, чтобы налогоплательщики расправлялись с налоговыми инспекторами. Есть много недовольных полицейскими, и то, не слышно, чтобы их убивали. Неужели, действительно, для мясников не было другого выхода, чем убийство ветеринара. Мы знаем, что он ни разу не оштрафовал мясников, что они из-за него не терпели убытков. Даже свидетели, которые хотели рассказать о плохих взаимоотношениях между погибшим и мясниками, сказали нам, что на них он не составил ни одного протокола. Семья Авиженисов для жеймялиссских мясников не была чужой. Брат погибшего хорошо уживался с мясниками. Так какой повод имели мясники бояться нового ветеринара? Требования ветеринаров были хорошо известны мясникам, и они с этими требованиями считались.

Так можно ли серьезно принимать как мотив обвинения такую историю, которую тут рассказали, как мясник отозвался об Авиженисе, что он не доктор, а свинья. Из таких мелочей и построили страшное обвинение.

Ни в коей мере здесь не вели к убийству мотивы мести. Обвиняемые Шнайдер и Флейшман видели Авижениса впервые. К мясникам они не имеют никакого отношения. Один возит различные товары, в том числе мясо из Жеймялиса в Ионишкис и обратно. Он еще и гражданин Латвии. Он вез в Литву рыбу, а назад мясо. Он тоже был зол на Авижениса? Неужели так в жизни сложилось, что именно в субботу ночью он должен был получить мясо, а если нет, то он должен убить человека? Адвокат по гражданскому иску сказал, что, уже вызывая ночью Авижениса на бойню, его «приговорили к смерти», что устранить с пути его хотели уже в бойне. Спросите себя, так зачем же туда позвали посторонних людей, таких как Шнайдер и Флейшман. Где здесь хоть немного логики?

Здесь говорили о показаниях против обвиняемых. Мы не должны при этом забывать, что речь идет о фактах ежедневной жизни, которые легко забываются. Можем ли мы с минутной точностью вспомнить, когда мы ели, когда легли спать. Причина противоречий в показаниях Шнайдера в том, что с ним нельзя договориться политовски. И, в конце концов, в чем его обвиняют? В таких мелочах, которые не имеют никакого значения для всего хода процесса. Разве так уже важно, кто раньше пришел на бойню, Флейшман или Шнайдер? Я бы понял, если бы речь шла о том, кто первым ушел из бойни, оставив еще Авижениса живым. Но об этом речь не идет.

Обвинение утверждает, что Авижениса убили на улице. Спрашивается, где следы крови, другие какие-либо следы? Следы должны были бы остаться. Но мы знаем, однако, что никаких следов не было найдено. Из пятен мясного происхождения на пальто и пиджаке хотят сделать такие тяжелые обвинения, и при этом не доверяют анализам института гигиены, которые утверждают, что никаких жирных пятен они не нашли. Если мы допустим, что испачканными руками его вбросили в колодец, то откуда такие же пятна взялись на рукавах и других местах пиджака.

Опираясь на такие свидетельства, как свидетельство Бушманене, нельзя. Такая важная вещь, как крики на бойне, она носила в себе, никому, даже мужу не рассказала, хотя последнего два раза вызывали на допросы. Ее оправдание, что она боялась суда... но она явилась в суд без приглашения. Все, кто хоть что-либо знал, сами

приходили к следователю. Мы тут слышали показания, когда свидетель передавал слова от четвертого лица, но только Бушманене молчала. Не хотят допустить мысли, что Авиженис мог забыть фонарик. Неужели мы не знаем такие случаи в своей жизни? Мы привыкли носить в мокрую погоду калоши, а сколько раз случается, что мы забываем их надеть?

Господин судья. Из всех показаний мы видим, что мы не имеем дела об убийстве. У нас нет никаких оснований обвинить подозреваемых.

Вторым выступает защитник профессор Станкявичус, который освещает возможные предположения, как могли развиваться события в ту несчастную ночь внутри и возле бойни.

- Когда человек умирает, жалко его, его родственников и близких, которые остаются без него. Еще более печально, когда умирает молодой сформировавшийся человек в цветущем возрасте, только женившись и начав семейную жизнь. Но несчастье свершилось. Это несчастье мы исправить не можем. Но мы имеем дело с худшим случаем: здесь сидят четыре человека, которые могут сами пострадать, их семьи могут распасться. И мы хотим найти справедливое решение. Мы ищем правду. В поисках правды есть моменты, которые нас, защиту и обвинение, объединяют. Во-первых, характеристика погибшего. Мы слышали тут от его близких, что он был хорошим, но вспыльчивым человеком. Его даже предупреждали, что его горячий характер может привести к неприятностям. Мы также знаем, что в ту несчастную ночь он был в приподнятом настроении. В конце концов, не важно, сколько он выпил, но когда он пришел из гостей в Жеймялис, его опять пригласили в гости. Он отказался, потому что хотел отдохнуть. Но, придя домой, он узнает, что должен идти на бойню штамповать мясо. Ясно и понятно, что это испортило ему настроение. Мы знаем от ветеринара Лопаса, который видел туши зарезанных животных, что две из них спокойно можно было штамповать даже при ночном свете. Только в одной могли быть сомнения, и можно было оставить ее осмотр до утра при дневном свете. Если Авиженис отказался-таки штамповать все три туши, так это только потому, что он был зол и раздражен.

Что происходило в бойне, мы знаем от самих обвиняемых. Но в то, что произошло позже, однако, трудно поверить. Нам говорят, что произошла стычка. Из-за чего? Из-за куска мыла, которое стоит примерно пол-лита? Никаких других аргументов мы не слышали. И вот

из-за этого 50-центового куска мыла эти четверо договорились и убили человека?!

Г-н Слежявичус говорит, что, намереваясь убить Авижениса, мясники вызвали его на бойню. Но мы знаем, что там было три зарезанных животных, которых надо было штамповать. Можно рассмотреть такую версию. В состоянии возбуждения кто-либо из присутствующих стукнул Авижениса. Он упал, ударился, потерял сознание, и тогда его вбросили в колодец. Но эта версия должна неминуемо отпасть, потому что на бойне присутствовали посторонние. Ради чего эти посторонние, эти чужие люди должны взвалить на себя такое тяжелое обвинение? Могли же Шнайдер и Флейшман спокойно сказать «виновному» мяснику: «Хорошо, мы будем молчать, но ты не втягивай нас в это дело». Никто вообще не знал, что они были на бойне. Они же сами явились и сказали об этом. Раз они добровольно явились, значит, их совесть чиста, и эта версия отпадает. Меня только удивляет, что обвинение само не выдвинуло эту единственно возможную версию. Но тогда необходима другая оценка преступления. Тогда нельзя уже обвинить всех четверых в убийстве.

Профессор Станкявичус говорит о ходе расследования, о неприемлемости выводов, сделанных из следствия и экспертизы вскрытия.

- Каждый раз мы получали другой протокол с противоречивыми выводами. Насколько правильно мы могли строить наши выводы на основании показаний свидетелей, иллюстрируют показания о лице мертвого Авижениса. Четыре свидетеля дали четыре разных показания. Это лицо должно было врезаться в память свидетелей, а мы слышали четыре разных описания положения его лица. Если бы мы имели материалы хорошо проведенного следствия, мы сегодня не имели бы этого процесса.

По этому поводу защитник зачитывает целый список ошибок следствия. Он также критикует некоторые выводы экспертизы и делает вывод: то, что Авиженис в кромешной тьме упал в колодец, не удивительно.

- Я не питаю иллюзий о судьбе обвиняемых. Я оцениваю всю опасность, в которой они находятся. Но мы уверены в их невинности, и поэтому просим их освободить.

Последним из защитников выступил д-р И. Робинзон, который говорит о логико-психологической стороне всего этого дела (его речь и реплики сторон мы по техническим причинам публикуем в следующем номере).

В 11 часов вечера заседание суда было закрыто, и объявление приговора было назначено на 11 часов утра.

И. Жапер

Шяуляй, 5 ноября

----- 000 -----

До и после приговора в Жеймялисском процессе

«Ди идише штиме» 7 ноября 1930 г. № 254(3346). Стр. 13

Речь доктора И. Робинзона. Где же цель и причины убийства? Затруднения с визитными карточками. Обвинение нелогично, не по правилам психологии. На надгробии Авижениса: «К мести зовет твоя трагическая смерть». Реплики. Приговор. Причитания.

Последним из защитников выступил д-р И. Робинзон.

Д-р И. Робинзон замечает, что после уверенных выступлений предыдущих защитников, ему осталось сделать только несколько замечаний.

- Читая обвинительный акт, мы замечаем, что прокуратура сделала несколько сальто-мортале, рискованных отчаянных шагов: половина обвинительного протокола опирается на свидетельства самих обвиняемых, а вторая половина – уже на другие свидетельства. Если мы логично подойдем ко всему делу, то должны согласиться с выводами защиты, которые только что услышали. Из всего материала следствия и судебного процесса мы не знаем, что произошло с погибшим. Его биография нам мало известна. Мы также не знаем, имел ли Авиженис каких-либо врагов. Этот вопрос вообще не был расследован. А так как неизвестно имел ли он врагов, их начали искать на скамье подсудимых. Чтобы четверем обвиняемым приписать преступление, надо было доказать, что они имели общую цель, которая привела их к общей мысли – во что бы то ни стало избавиться от Авижениса. И это должно было стать для нас очевидным. Цель эта могла быть осуществлена именно в тот вечер, когда представилась возможность убрать его с пути. Из всего дела разве мы раскрыли такую цель и такие причины? Из всего хода процесса мы не видим, чтобы между погибшим и мясниками были такие взаимоотношения, при которых только смерть одной из сторон вела к нормализации обстановки. Мы знаем, что Авиженис взял с собой револьвер, который не был заряжен. Он взял его, только чтобы защититься от собаки Фельдмана, которого заверил несколькими днями ранее, что, если тот не будет держать собаку на привязи, он ее застрелит.

Во время объявления обвинения мы слышали, что были некоторые «отягчающие обстоятельства» в деле Авижениса. Спрашивается, почему не посадили на скамью подсудимых тех, кто в эти обстоятельства был замешан, например, в первую очередь, свидетелей - Дебору Лакунишок и двух других ее сыновей. Было установлено, что и они замешаны в этом деле, и они втянуты в эти «отягчающие обстоятельства». А не сделали это потому, что давно известно: женщины и дети не могут держать секреты. И вообще здесь мы имеем дело со страшным наветом, поскольку участники до и после «совершенного преступления» сами себя раскрыли через свои «визитные карточки». А если они это задумали, то разве нельзя было избрать других исполнителей, а не этого совершенно седого человека и юного Лакунишка.

Мясники не имели никакой причины хотеть другого ветеринара. Народная мудрость гласит: «Нельзя проклясть полицейского, потому что на его место может придти еще худший». Мы знаем, что Авиженис не был так уж плох. Тогда по какой причине мясники решили убрать его с пути?

Свидетель Лопас, который не только ветеринар, но и большой искатель справедливости, рассказал, что мясники очень нуждались в готовом мясе, так как его привезти просил по телефону мясник из Ионишкис. А так как Авиженис ночью отказался штамповать мясо, его убили. Представьте себе только, если мясникам так не повезло отштамповать мясо, то что помешало им вынуть из портфеля Авижениса штамп и самим отштамповать мясо. Кому бы пришла в голову мысль, что не он, а другой это сделал.

Иногда полезно проанализировать человеческие инстинкты, которые скрыты в подсознании, но в определенный момент могут сработать. Давайте проследим, были ли такие психологические моменты у обвиняемых. Все они выросли в несправедливой старой России, выросли с укоренившимся в сознании страхом перед любым представителем власти. Могли ли эти люди решиться на убийство государственного служащего без каких-либо причин?

Итак, мы видим, что, если логично рассуждать, обвинение не имеет под собой и психологических оснований. Об обвиняемом Мане мы слышали от некоторых свидетелей, что он – честный человек. Разве способен этот 70-летний старик без причины убить человека?! А этот мальчишка Лакунишок? Откуда у него могли взяться инстинкты убийцы? Ну, а этот латвийский гражданин Шнайдер? Мы уже знаем, что после того, как его несколько раз арестовывали по поводу этого

убийства, он неоднократно приезжал в Литву, невзирая на то, что Латвия не выдала бы его суду. И другой обвиняемый Флейшман? Если и вправду что-то случилось бы на бойне, ему достаточно было сказать, кто виноват, и он был бы освобожден. И если такие обвиняемые этого не делают, то только потому, что на бойне ничего не случилось.

Свою речь д-р Робинзон заканчивает словами: « На могиле погибшего Авижениса есть такая надпись: «К мести зовет твоя трагическая смерть». Но мы надеемся, что наш суд не даст себе овладеть чувством мести, и мы передаем судьбу обвиняемых в ваши руки».

После небольшого перерыва начинаются реплики сторон.

Прокурор повторяет некоторые свои обвинения. Он все еще держится мнения, что отношения между Авиженисом и мясниками были напряженными; они постоянно имели к нему претензии, и поэтому решили его устранить.

Адвокат по гражданскому иску Слежявичус сказал, что Авиженис хорошо знал о существовании колодца у бойни и он вышел из бойни в нормальном состоянии. Мелкие мотивы убийства не могут быть аргументами защиты, потому что часто разбой осуществляется по мелким причинам. Часто причиной убийства является обозленность. «Меня не интересует, на сколько лет их осудят. Нас интересует только, чтобы их признали виновными. Конечно, возможно только один из них нанес удар, а другие его прикрывают».

Профессор Станкявичус разъясняет различные вопросы, и обвиняемым дают последнее слово.

Флейшман с плачем произносит только: «Я совсем невиновен, я ничего не знаю».

Шнайдер: «Я не виновен, и прошу меня освободить» .

Ман: «Если я совершил преступление, пусть Бог накажет меня смертью тут же на месте».

Молодой Лакунишок: «Моей вины тут нет, и прошу меня освободить».

В зале слышится плач, и заседание закрывается, Публика расходится. На улице стоят сотни людей. Некоторые пробуют предсказать судьбу четырех обвиняемых. В настроении общества чувствуется пессимизм, вспоминают последние слова защитника д-ра Робинзона. В конце концов, полиция заставила людей разойтись.

В четверг рано утром зал суда уже переполнен. Сидят евреи, родственники, чужие люди и молятся. Обвиняемые плачут вслух.

Звонок, входят судьи, председатель начинает зачитывать приговор.

Когда были услышаны первые слова: «Признаются виновными», поднялся страшный шум. Слышатся крики: «Мой сын, мой бедный сын, мой бедный старый отец».

Объявляется перерыв. Полицейские выгоняют людей. Остаются только полицейские и служащие суда. Они и выслушивают приговор. Все четверо обвиняемых признаны виновными в убийстве Авижениса. Ман, Флейшман и Шнайдер осуждены на 12 лет тяжелых принудительных работ, каждый, Лакунишок на 5 лет обыкновенной тюрьмы. Гражданский иск удовлетворен полностью. Мотивированный приговор будет опубликован 20 ноября.

Адвокат Венцлаускас просит запротоколировать, что осужденные уполномочили защитников подать апелляцию в Верховный трибунал.

Приговор был опубликован во вчерашней газете «Ди идише штиме».

Над городом повисло напряженное подавленное настроение. Когда осужденных повели по улицам, из окон доносились причитания. Некоторые после объявления приговора падали в обморок. Приехавшие жеймялискцы должны уже вернуться домой. Они это делают нехотя, стараясь оттянуть минуту отъезда. Им очень тяжело вернуться домой без тех, кто остался в тюрьме. Все питают надежду, что удастся добиться правды в Верховном трибунале.

И. Жапер

Шяуляй, 6 ноября

----- 000 -----

Как было объявлен приговор в Жеймялиском деле

«Летувос жиниос» 7 ноября 1930 г. № 254(3453)

Вчера в Шяуляе заинтересованность жеймялиским делом было еще большей, чем в первый день. Уже в 10 часов утра здание суда было плотно окружено людьми.

Около 11 часов в суд привезли обвиняемых.

В зал, по получению билетов, заходят родственники и еще немного людей, сколько вмещает зал.

После половины 12-го выходит суд. Председатель медленно объявляет, что «Именем республики...» и т.д. и такие-то обвиняемые признаны виновными... Родственники осужденных поднимают страшный шум.

Председатель сразу же объявляет перерыв, во время которого полиция выводит из зала людей, которые не могут успокоиться.

Большая толпа людей, со всех сторон окружившая здание суда, была выведена из равновесия: одни громко говорили, другие плакали. Полиция толкала людей дальше от здания суда.

Несколько успокоив взволнованную толпу, суд возобновил заседание и продолжил зачитывать приговор. Выслушав его, осужденные Ман и Лакунишок сохранили спокойствие, а Шнайдер и Флейшман начали плакать.

Бывший защитник Венцлаускас от имени осужденных просит у суда разрешение на подачу апелляции.

Суд удовлетворил просьбу Венцлаускаса.

Осужденным надели наручники и в сопровождении сильной охраны повели по направлению к тюрьме тяжелых принудительных работ.

----- 000 -----

Вокруг жеймялисского процесса

Впечатления и замечания

«Ди идише штиме» 10 ноября 1930 г. № 255(3347). Стр. 7

Поиски правды

Когда в течение этих трех дней жеймялисского процесса мы бросали взгляд на публику переполненного зала судебных заседаний, было видно, что посторонние посетители так же заинтересованы в деле, как и представители сторон. Посторонними посетителями были местные юристы и другие интеллигенты, в основном христиане. Вот эта переполненная аудитория, так же как и судьи, защитники и обвинители, старались выявить правду в этом процессе. Или правильнее сказать – ясность, не сенсационную, а логическую и понятную.

Мне довелось беседовать со многими посторонними лицами, юристами и просто интеллигентами, и я не слышал ни от одного из них, чтобы он полностью стал на сторону обвинения. Один уважаемый юрист, деятель национальной партии (партии таутининков), уже после оглашения приговора сказал мне следующее: «И все-таки... многое мне остается непонятным, просто уму не постижимо. Какие мотивы могли привести к такому страшному убийству? Их нет». Бывший генерал и известный государственный деятель все время присутствовал на процессе. У него такое мнение: «Мясник, даже

еврейский, может быть способен на убийство. Я сам знаю случай, когда сын еврейского мясника с топором бросился на своего родного отца. Но я уверен, что эти обвиняемые – не убийцы. Для меня это дело – загадка. Еврея можно обвинить в мошенничестве ради заработка, но в убийстве? Это загадка».

О копании в несущественных мелочах высказывались почти все, кто пришел в зал судебного заседания без заранее подготовленного мнения или не по призыву к мести на надгробии Авижениса.

Мы стремились к ясному освещению этого процесса. Остается вопрос, искали ли ясности его участники. Ясность больше всего интересовала защитника д-ра И. Робинзона, который начал свою речь с просьбы «смотреть на это дело не в свете забытого фонарика Авижениса, а смотреть в свете поиска справедливости».

Популярная версия

У многих непредвзятых наблюдателей процесса сложилось мнение, что ни один из обвиненных не способен на убийство, тем более, что к нему не было никаких побудительных причин. Это привело к версии, которая была очень популярна в кулуарах суда. И ее один из защитников счел нужным проанализировать. Пробовали доказать, что никакого заговора, никакого противостояния Авиженису не было. Единственной целью вызова ветеринара на бойню было отштамповать мясо. Авиженис был очень зол и обижен, на бойне он стал более раздраженным из-за того, что ему не подготовили мыло и полотенце. Он отказывается штамповать мясо. Мясники очень просят его, и он цепляется к словам. Один из обвиняемых толкает его, Авиженис падает на твердый предмет, ударяется головой, теряет сознание. Мясники пугаются. Они уверены: им не поверят, что произошло несчастье. И они бросают его в колодец, чтобы несчастный случай выглядел правдоподобно. Надо заметить, что такая версия подошла бы, если на скамье подсудимых сидели бы другие люди. Но исключено, что осужденные Лейзер Ман и Лакунишок были физически способны ударить человека. О других двоих – Шнайдере и Флейшмане – и речи нет, так как у них не было никаких общих дел с погибшим.

Авиженис был молод и силен, и невероятно, чтобы этот низкорослый старик, Лейзер Ман, мог поднять руку на молодого и сильного государственного служащего. Еще менее на это способен юный Лакунишок, который физически слаб.

В этом процессе не хватало и других логичных выводов, поэтому схватились за эту единственно возможную версию.

Обвинение и защита

Опытные люди считают, что в Жеймялиссском деле не играли ведущей роли ни обвинение, ни защита. Возможно, такое мнение имеет основания. Если смотреть объективно, надо признать, что обе стороны сделали все возможное. Правда, самым слабым был прокурор. Его обвинительная речь была в основном повторением обвинительного акта, его реплика была сокращенным вариантом его речи с добавлением некоторых моментов гражданского иска.

Более сильным было обвинительное слово адвоката по гражданскому иску г-на Слежявичуса, что и было отмечено в газетах. Задача его не была легкой. Из небольших и не слишком весомых показаний он должен был построить тяжкое обвинение. И он таки это сделал, чтобы обосновать свое не всегда логичное обвинение. Немало энергии он потратил, доказывая, что бедняк способен на убийство и за 1,5 лита... По его словам, Флейшман тоже мог пойти на преступление за 1,5 лита, которые терял, поскольку в ту ночь не мог отвезти мясо ионишскому мяснику Станайтису. Но все эти аргументы были опровергнуты железной логикой и математическим расчетом защиты.

Защита. Из четырех заявленных защитников только трое выступали в суде. Четвертый, Р. Рубинштейн, по рассказам родственников, много работавший до суда, не явился из-за болезни.

Трое адвокатов, уверенных в невинности их подзащитных, привели в обоснование этого все юридические, логические и психологические доказательства. Ни одно свидетельство не было у стола судей обойдено перекрестным допросом опытных и знающих юристов. Речи защиты: Венцлаускаса – холодная, спокойная, уверенная и убедительная; пункт за пунктом, буква за буквой разбивала все аргументы обвинения. Когда он хладнокровно сказал, что обвиняемые невинны, это звучало так же уверенно, как если бы он произнес: «Господин судья, сегодня сияет солнце». Станкявичус дерзок в своей уверенности и математически точен. Он осветил картину той несчастной ночи на бойне и вокруг нее. Для тех, кто искал правду, все стало понятно. О д-ре И. Робинзоне я хочу передать мнение одного шяуляйского юриста, что после выступления Робинзона, где он упомянул о надписи на могиле Авижениса, каждый

должен был стать на позиции защиты. Кроме того, Робинзон обосновал ее множеством других аргументов.

И. Жапер

----- 000 -----

Вокруг жеймялисского процесса

«Ди идише штиме» 12 ноября 1930 г. № 257(3349). Стр. 7

Впечатления и замечания

Пятна

Пятна на одежде погибшего играли фатальную роль в этом деле. Историю их я повторять не буду. Проф. Станкявичус подробно на них остановился, и в этом свете подверг экспертизу. Он также имел смелость сказать, что из-за объяснений о пятнах он подвергает сомнению всю экспертизу вообще и работу каждого эксперта в частности. Смелой и резкой критике защитника подверглась работа всех пяти экспертов. Всем импонировала его речь, и многие были уверены: им была сказана правда. Профессор Станкявичус сказал: «В то время, как мы тут слышали о происхождении пятен, мы знаем, что имеются два анализа авторитетного института, который утверждает: невозможно вообще установить, что это за жирные пятна. А если это так, то нельзя быть уверенным, что это пятна животного происхождения. Наконец, когда уже от пятен не осталось и следа, приходят эксперты и утверждают, что эти пятна животного происхождения. Подобные заверения, понятно, подвергают меня в сомнение о правильности экспертизы. Я спросил у знакомого врача-психиатра: «Скажите, Вы смогли бы высказать мнение о человеке, которого никогда не видели и не знали, что у него есть симптомы сумасшествия?» По взгляду, которым врач посмотрел на меня, я понял, что такие симптомы он видит у задавшего вопрос. Ту же ситуацию мы наблюдаем в связи с выводами о пятнах».

«Еврейский вопрос»

Официально во время судебных заседаний ни одна из сторон не затронула «еврейского вопроса». Даже свидетели более высокого интеллектуального уровня избегали слова «еврей» и пользовались более деликатным словом «израелит». Лишь д-р Робинзон, будучи сам евреем, копаясь в психологии обвиняемых, напомнил, что на скамье подсудимых сидят евреи, которые поколениями были

бесправны и находились в вечном страхе перед государственными чиновниками.

Это было в зале суда. Но, за его пределами, еврейский вопрос поднимался очень часто и евреями, и христианами. В поезде везде слышалось: «Евреи убили». И это подробно обсуждалось.

Объективность

При этом множестве неясностей стал также вопрос об объективности освещения процесса представителями прессы. Он был поднят разными заявлениями в газете «Летувос айдас». В частности, заявлялось, что некоторые корреспонденты писали в свои газеты тенденциозные отчеты о ходе суда.

Не желая полемизировать по этому поводу, считаю нужным заметить, что тенденциозность замечается даже в официальных отчетах о процессе, например, по «Летувос айдас» можно понять, что обвиняемый Флейшман начал кричать: «Я не виновен, я ничего не знаю» еще до того, как председатель задал ему этот вопрос. На самом деле это происходило иначе. Вопросы председатель задает по соответствующему протоколу: «Вы обвиняетесь, что вместе с теми и теми по такому и такому делу...». Совершенно ясно, что Флейшман не знал, что он должен выслушать председателя до конца, и услышав первые слова «Вы обвиняетесь», он сразу начал причитать: «Я не виновен».

Другой пример необъективности в газете «Летувос жиниос», что при чтении приговора родственники приговоренных подняли в зале страшный шум. Можно понять из статьи, что родственники начали протестовать и стучать ногами. На самом деле слышались истерические рыдания и выкрики: «Мой сын! мой старый отец!»

«Летувос айдас» также рассказывает, что после объявления приговора, на улицах слышались разговоры, мол, это был «суд гоев». Я не знаю, где корреспондент официальной газеты это слышал. Но интересно другое: уже в первый день процесса предвиделось решение суда, и это подчеркнул защитник проф. Станкявичус: «У меня нет иллюзий по поводу судьбы обвиняемых».

Шяуляйский процесс

Называя процесс «Жеймялисским делом», мы тем самым обходим стороной участие в нем еврейского населения Шяуляя. В действительности процесс мог быть назван и «Шяуляйским», потому что вместе с приехавшими из Жеймялиса родственниками и

знакомыми, горевали, сострадали и сочувствовали шяуляйские евреи. Все дни процесса в Шяуляе чувствовалось траурное настроение. Были забыты каждодневные заботы, пустовали места развлечений. Концерт, который вызвал бы в другое время сенсацию, посетило лишь несколько евреев, и те чувствовали себя как бы виновными в грехе.

Во время процесса обвиняемых несколько раз вели из здания суда в тюрьму и обратно. Все шяуляйские евреи тогда с болью во взглядах сопровождали их, сгорбленных под тяжестью цепей, и в преддверии тяжести приговора.

Не только Шяуляй, все еврейские поселения сочувствовали и горевали. Первый вопрос, задаваемый прибывшим в Шяуляй, был, что слышно на процессе. А в четверг вечером после приговора, когда в Радвилишкес поступили о нем первые вести, там тоже был траур.

Заявления удовлетворенные и отклоненные

Как на процессе, так и в городе мы слышали разные заявления и просьбы. Уже в самом начале процесса адвокат по гражданскому иску обратился с заявлением о включении в состав свидетелей нового человека. Защита высказывается против этого, потому что об этом в уголовном кодексе имеются две статьи: статья 560 говорит, что адвокат по гражданскому иску имеет право после получения обвинительного акта в течение 7 дней подать список свидетелей, нужных ему дополнительно для участия в суде. После этого срока дополнительный список не принимается. Статья 567 гласит, что новые свидетели, какую бы сторону они не представляли, могут быть допущены при слушании дела, если они могут засвидетельствовать новые факты дела, и то с согласия обеих сторон. Суд все-таки посчитал возможным удовлетворить просьбу адвоката по гражданскому иску.

И защитники подали просьбу в связи с имеющейся в деле фотографией бойни и колодца. Защитники сами сфотографировали в Жеймялисе бойню и колодец, но с другого ракурса. Из их фотографии видно, что, напротив выхода их бойни находится дом. Если, выйдя из нее, пойти напрямую к дому, то неизбежно наткнешься на колодец. Для защиты этот факт был очень важен. Суд отклонил это заявление защиты.

Еще одна просьба защиты - вытребовать из тюрьмы латвийский паспорт обвиняемого Шнайдера, из которого видно, что между первым и вторым арестом он много раз ездил из Латвии в Литву, суд отклонил.

Мало того, суд удовлетворил просьбу д-ра Соломон освободить ее от штрафа в 25 лит за то, что она не была в зале суда, когда ее вызвали туда как свидетельницу.

Что же дальше?

Решение суда объявлено. Приговор – страшный. Все взгляды обращены к Каунасу, к зданию, где золотыми буквами написано: «Право – фундамент страны». Все смотрят на это здание с надеждой, но надо запастись терпением. Когда же, когда Верховный трибунал будет рассматривать это дело?

Но ясность в деле вряд ли появится. Все будет зависеть от трибунала. Что касается защиты, мы можем смело сказать, что от их мнения не все будет зависеть.

После 20 ноября, после публикации мотивированного приговора защита выработает апелляцию и передаст ее в трибунал. После того, считают компетентные люди, надо будет ждать около 3 месяцев, но может быть и полгода.

И. Жапер

----- 000 -----

Что говорит Жеймялис о приговоренных мясниках (43)

«Ди идише штиме» 24 ноября 1930 г. № 267(3359). Стр. 7

Интересная анкета

Шяуляйская газета «Мусу моментас»¹⁶ⁱ послала своего специального корреспондента в Жеймялис, чтобы ознакомиться с мнением местных жителей о приговоре, вынесенном мясникам. Газета утверждает, что после суда распространились слухи, что шяуляйский приговор – это первое звено в цепи мер литовского правительства, которые в будущем будут направлены против всех евреев Литвы. Однако, позже послышались протесты против такой версии. Корреспондент рассказывает, что несчастный случай с Авиженисом в Жеймялисе имел историческое значение. По поводу приговора обозначились два фронта: еврейский и литовский. Почти все литовцы придерживаются мнения, что приговор справедливый, а все евреи, что мясники невиновны и наказаны жестоко и несправедливо. Оба фронта имеют свои аргументы.

ⁱ Я полагаю, что найти эту газету ради более точной ссылки невозможно, но просил бы перевести в скобках или в сноске ее название на русский язык. То же касается названий всех остальных газет при первом упоминании. Может быть даже с пояснением, какой партии или организации газета.

Ксендз Жеймялиса воздерживается от объяснений. Он говорит: «Трудно сказать, что произошло на самом деле, можно думать по-всякому».

Заведующий жеймялисской начальной школы уверен, что мясники виновны. Но допускает версию, которую поддерживают многие другие: «приговоренные мясники не убили Авижениса. Очень даже возможно, что они не так уж виновны, но точно знают, кто виновен. Может быть, мясники убили Авижениса случайно. Погибший был темпераментным человеком, и не удивительно, что между ним и мясниками произошел спор, и разгоряченные мясники его ударили. После этого остался один путь – вбросить его в колодец». Что касается погрома, учитель считает, что Жеймялис был уже недалеко от того, чтобы он разгорелся. Благодаря властям и местной интеллигенции погромные настроения угасли.

Уже известный шеф полиции Венцкаускас тоже считает, что «понятно, виновны мясники, в колодец не может упасть ни живой, ни мертвый. До погрома я не допустил бы. Над евреями только пошутили, что готовится погром, а они это восприняли как правду, и стали готовиться к погрому». Но г. Венцкаускас все-таки вспомнил, что что-то было, и добавил: «Правда, жители Жеймялиса готовились расчитаться с убийцами Авижениса, но официального погрома организовать никто не собирался». (Примечание редактора «Ди идише штиме» - Интересно, что г. Венцкаускас понимает под выражением «Официальный погром»).

Полицейский Грибаускас, который недавно работает в Жеймялисе (уже после несчастного случая), знает только, что «раньше евреи были наглыми, а после несчастья они свою наглость потеряли». (Примечание редактора «Ди идише штиме» - Раз Грибаускас раньше в Жеймялисе не был, откуда он знает о наглости евреев до несчастного случая).

Волостной секретарь исключает возможность, что Авиженис мог упасть в колодец. Учительница Францкинайте знает: все уверены, «что здесь имело место убийство. Даже жеймялисский еврей Африс Бер перед отъездом в Африку сказал, что верит тому, что мясники могли убить Авижениса».

Местная, доктор Соломон, рассказывает: «Я первая осмотрела погибшего, я скрупулезно осмотрела его тело и увидела только царапину возле носа. Других ран я не заметила. Об убийстве не может быть и речи. Это только несчастный случай. Мотивов к убийству не было. Материальные претензии? Тогда мясники должны были бы

убить раввина, который предъявляет им требования кашрута, и тем иногда препятствует реализации мяса. Есть также литовцы, которые считают евреев невиновными; мое мнение и мнение многих других, что мы имеем тут дело с судебной ошибкой. Это не антиеврейская акция, а просто судебная ошибка. Перед несчастьем литовцы, евреи и латыши уживались нормально. После несчастья мы боялись выйти на улицу». Корреспондент замечает, что Соломон упоминая Авижениса, часто употребляла выражение «Утопленник».

Жеймялисский раввин объясняет: «Кто знает приговоренных, не может сказать, что они убийцы. Я клянусь на этих святых книгах, что они невиновны. У евреев существует закон, что о совершенном преступлении рассказывают раввину. Евреи могут поднять шум, что является редкостью, но убийство...- не может быть. Удивительно, что их вообще могли обвинить. Правда, удивительно и то, что Авиженис вообще мог упасть в колодец. Одно только ясно, и я клянусь, что приговоренные невиновны. Даст Б-г, Верховный трибунал невинных освободит. У нас ходят всякие слухи, что тут есть враги народа Израиля; есть и такие, которым удобно быть врагом народа Израиля, но не все враги народа Израиля: я это знаю».

Аптекарь Шульгейфер корреспонденту показал несколько писем. Одно письмо из Вены от профессора Феликса Веркгаранера, в котором профессор констатирует по опубликованным фактам, что Авиженис утонул. Похожее мнение в письме специалиста Штрасмана из Берлина. Оба письма будут представлены в Верховный трибунал. Кроме того, аптекарь сказал, что он проанализировал случай с жирными пятнами на пиджаке Авижениса, и отсюда он не видит доказательств вины мясников. Погром, объясняет Шульгейфер, что он мог произойти - это факт. Все события той недели, вся защита населения была в руках Венцкаускаса. От погрома евреев спасли только тревожные телеграммы в Каунас.

Корреспондент дальше рассказывает, что местные литовцы думают, что Авижениса убил сын Мана, который «сбежал» в Африку. Другие считают, что не мясники убили, но они знают, кто убийца. Все евреи уверены, что суд ошибся, а трибунал приговоренных освободит.

----- 000 -----

Мотивированный приговор жеймялисского процесса

«Ди идише штиме» 1 декабря 1930 г. № 273(3365). Стр. 7

Душераздирающие сцены при чтении приговора. Приговоренные апеллируют.

Шяуляй (по телефону). В пятницу 28 ноября в Шяуляйском окружном суде был зачитан мотивированный приговор жеймялисским мясникам. Приговор был зачитан в комнате судей. Для заслушивания приговора были привезены все обвиненные. Зачитал приговора служащий суда. При этом присутствовал прокурор Гутаутас и секретарь Ремейко. Чтение большого материала на десяти страницах заняло более полутора часов.

Основной момент, на который опирается обвинение: суд считает полностью доказанным, что Авиженис был убит, а потом сброшен в колодец. Это мнение базируется на результатах экспертизы, из которых следует, что Авиженис прожил еще 3 минуты после получения удара. Если бы он только упал в колодец, он должен был вдохнуть воздух в легкие. Так как в его легких воду не нашли, значит три минуты после получения удара он в воде не был.

Дальше в мотивированном приговоре точно и доказуемо анализируются разные возможности, сопутствующие смерти молодого ветеринара. Согласно приговору Авиженис был убит на улице, и чтобы прикрыть следы преступления, сброшен в колодец.

Приговор много внимания уделяет показаниям ветеринара Лопаса, который утверждает, что после смерти Авижениса видел на его пальто пятна жира и куски мяса. Эти жирные пятна занимают в приговоре видное место. Кроме того, суд опирается также на показания свидетеля Венцкаускаса. Шеф пограничной полиции в Жеймялисе тоже говорил о жирных пятнах и кусках мяса.

Перейдя к роли осужденных, суд останавливается на показаниях жеймялисского мясника Пранулиса, который сказал, что еврейские мясники собирались отстранить Авижениса, как очень плохого человека. Крики, которые слышала свидетельница Бушманене, также доказывают, что там произошла большая ссора. Она точно слышала, как там ссорились, и один стал кричать и стонать. Еще одна свидетельница выставляется в мотивированном приговоре на значимое место, и ей отводится видная роль для перенесения центра тяжести на обвинение. Это старушка Браверене, которая рассказала, что в тот вечер ее дочь была в поле и видела у бойни 5 человек, которые стояли там, разговаривали и ссорились. Она тоже слышала шум и крики.

Наоборот, на показания криминальной полиции не обращалось должного внимания. В ее показаниях говорится, что на теле

Авижениса они ничего не нашли. Их расследование суд посчитал несерьезным и не счел нужным на него опереться.

Кратко, это и есть мотивы, которые и привели к приговору жеймялисских мясников и которые были тут зачитаны в мотивированной и расширенной форме.

Приговоренные Флейшман и Шнайдер не могли хладнокровно слушать мотивы приговора. Они сидели и все время обливались слезами. Немного спокойнее держались Ман и Лакунишок.

Шяуляй (по телефону). Приговоренные мясники доверили своим адвокатам подать апелляцию на приговор в Верховный трибунал. В среде юристов считают, что апелляция имеет большие шансы на успех. Не говоря уже о тенденциозности всего дела и личностях приговоренных, которые не производят впечатления убийц, серьезные аргументы выдвигаются против приговора, например, не доказано, кто ударил Авижениса и какую роль каждый приговоренный играл в этом убийстве.

----- 000 -----

Привлекаются к ответственности лица, проводившие дознание в Жеймялисском деле

«Летувос жиниос» 1 декабря 1930 г.

Во время разбора дела жеймялисских мясников в Шяуляйском окружном суде выяснилось, что некоторые служащие полиции, которые вели предварительное дознание в Жеймялисском деле, не выказали должного усердия. Поэтому государственный защитник Шяуляйского окружного суда потребовал копии протоколов заседаний суда, а полицейских, неудовлетворительно проводивших дознание, привлечь к ответственности.

----- 000 -----

Мотивированное решение дела Жеймялиса

«Летувос жиниос» 3 декабря 1930 г.

Шяуляйский окружной суд объявил мотивированное решение по делу жеймялисских мясников.

Решение составлено на нескольких машинописных страницах.

Окружной суд, выслушав объяснения обвиняемых, показания свидетелей, мнение врачей-экспертов и прения сторон, пришел к выводу, что врач К. Авиженис был действительно убит подсудимыми. Далее в мотивированном решении сгруппированы самые важные

показания свидетелей и изложены обстоятельства убийства. Самые главные моменты обвинения следующие:

Воротник пиджака доктора Авижениса у шеи обильно полит кровью, которая текла из носа и обеих ушей.

Отвороты пиджака на груди ниже подбородка с обеих сторон испачканы небольшим количеством крови и обильно застывшим нерастворимым жиром. С левой стороны отворота пиджака по линии уха найден кусочек мяса, примерзший к отвороту. С правой стороны поперек сустава челюсти по середине правого уха через шею сзади найдены многочисленные небольшие шрамы поверхностного происхождения.

Эксперты выразили единое мнение: смерть доктора Авижениса произошла от ранения травматического характера тяжелым тупым предметом. Смерть Авижениса произошла через несколько минут после полученного удара. Эксперты не допускают вовсе, что ранение в области уха было получено Авиженисом при падении в колодец от удара головой о его сруб или о лед, так как в таком случае шрамы были бы другими. На то, что Авиженис не сам упал в колодец, указывают и такие обстоятельства: его смерть не была мгновенной. От удара до начала такого кровотечения должно было пройти несколько минут. По материалам дела известно, что до уровня воды в колодце один метр. Таким образом, падение должно было произойти за более короткое время, и смерть наступила бы при утоплении, а не от шока, который произошел от удара. Поэтому эксперты пришли к выводу, что Авиженис в воде утонул или уже мертвый, или с небольшими признаками жизни.

Все обвиняемые при даче показаний судебному следователю, а также в зале суда, особенно Шнайдер, путались и противоречили друг другу.

Так как в то время на бойне были только Флейшман и Шнайдер, Ман и Лакунишок, то только они и убили Авижениса. Посторонний человек подобрал бы себе более удобный случай.

Что все они, без исключения, виновны в гибели Авижениса видно из того, что ни один из обвиняемых не говорит правды. На то обстоятельство, что Авижениса убил не один человек, а несколько, ясно указывает свидетельница Розалия Бушманене. Она в ту ночь, болея расстройством желудка, вышла во двор и увидела у бойни сильный свет, слышала большой шум, а потом восклицание «ай», произнесенное тонким голосом. Ясно, что Бушманене была

свидетельницей момента убийства Авижениса и видела свет его электрического фонарика.

Найденная на бойне электрическая лампочка Авижениса указывает, что ее туда положили именно бывшие в это время на бойне подсудимые, так как в ином случае лампочка должна была быть у Авижениса.

По этим основаниям окружной суд пришел к выводу, что вина всех подсудимых достаточно доказана, и они должны быть признаны виновными по статье 455 пп. 51 и 3 уголовного кодекса.

----- 000 -----

Почему осудили жеймялисских мясников

«Ди идише штиме» 4 декабря 1930 г. № 276(3368). Стр. 7

Основные моменты мотивированного приговора

Мы уже поделились с читателем основными моментами мотивированного приговора жеймялисского дела. Как видим, никаких новых моментов среди них нет, и фактически мотивированный приговор является более конкретизированным обвинительным актом. В нем характерны два момента: Авиженис был убит, и почти доказано, что убийство совершили обвиняемые.

Первая часть мотивированного приговора состоит из нескольких основных пунктов обвинительного акта и показаний всех четырех осужденных. Дальше описываются хорошо известные подробности: каким образом Авижениса зазвали на бойню и как потом его нашли мертвым в колодеце.

«Эксперты, - говорится в мотивированном приговоре, - выразили мнение, что Авиженис был убит ударом по голове твердым предметом. После удара Авиженис должен был жить несколько минут и дышать. Он не мог получить удар, падая в колодец, так как в этом случае смерть должна была наступить от того, что Авиженис в нем утонул. Что он не умер от падения в колодец доказывает и факт, что у человека при падении инстинктивно двигаются руки, поэтому Авиженис, падая в колодец, что-то бы делал руками, и от этого должны были остаться следы».

Мотивом для обвинения служат также жировые пятна на пиджаке. Между прочим, версию несчастного случая мотивированный приговор отвергает.

Новшеством является утверждение приговора, что в тот несчастный вечер никого, кроме обвиняемых, на бойне не было.

Возможно, не хотели обнародовать, что на бойне были младшие дети Лакунишков, поскольку трудно поверить, что дети 11-12-ти лет не спали так поздно.

Далее в приговоре цитируются показания свидетелей, что мясники были недовольны Авиженисом и поговаривали, что он долго в Жеймялисе не продержится.

Утверждается, что только осужденные могли убить Авижениса, поскольку лишь они были в ту ночь на бойне. Посторонний выбрал бы для убийства более подходящее место. Мысль об убийстве и решение его осуществить, скорее всего, принимали после того, как Авиженис отказался штамповать мясо. Неважно, кто нанес удар Авиженису; важно только то, что было принято решение его убить и спрятать следы преступления. Что все без исключения виновны, видно из того, что ни один не говорит правду. Этот мотив подкреплен свидетельством Бушманене, которая в ту ночь слышала шум у бойни и крик «ай». Ясно, что это был момент, когда убили Авижениса.

Фатальный электрический фонарик также играет большую роль в мотивированном приговоре. Говорится, что на бойне Авижениса убил один из осужденных, так как в ином случае фонарик был бы у Авижениса.

По изложенным мотивам, окружной суд считает, что вина обвиняемых полностью доказана, их надо осудить на 12 лет тяжелых принудительных работ, гражданские иски вдовы и матери погибшего удовлетворить.

Таковы вкратце основные мотивы приговора.

Для всех, кто внимательно следил за ходом всего процесса, очевидно, что суд принял во внимание только на часть свидетельских показаний. Защитникам предстоит привлечь внимание Верховного трибунала к показаниям остальных свидетелей.

А.

----- 000 -----

Прокурор Высшего трибунала о Жеймалисском деле

«Ди идише штиме» 19 января 1931 г. № 16(3406). Стр. 7

***Будут ли допущены иностранные эксперты к Жеймялиссскому делу?
- Беседа с прокурором Верховного трибунала Калвайтисом.***

Наш корреспондент обратился к прокурору Верховного трибунала г. Калвайтису:

- Имеют ли основания сообщения местных газет, что к слушанию апелляции жеймялиссских мясников не будут допущены иностранные эксперты?

- Эти сведения от начала до конца вымышлены. Трибунал еще вообще с апелляцией не ознакомлен, поэтому никакой речи об иностранных экспертах еще не может быть.

М. Рабинович

Жеймялиссское дело уже в Верховном трибунале

Там же. Стр. 8

В субботу 17 января из Шяуляйского окружного суда в Верховный трибунал пришло Жеймялиссское дело вместе с апелляцией. В ближайшее время будет созвано заседание трибунала, где будет обсуждаться вопрос, допустить ли иностранных экспертов к рассмотрению апелляции, и назначен день судебного заседания.

----- 000 -----

Назначено рассмотрение дела Жеймялиссских мясников

«Летувос жиниос» 22 января 1931 г.

Верховный трибунал назначил рассмотрение дела Жеймялиссских мясников на 7 марта.

Как известно, защитник обвиняемых подал в Верховный трибунал прошение, чтобы разрешили пригласить заграничных экспертов. Этот вопрос в Верховном трибунале еще не обсуждался.

----- 000 -----

7 марта в Верховном трибунале будет проходить процесс по Жеймялиссскому делу

«Ди идише штиме» № 20(3410) 23 января 1931 г. Стр. 7

Слушания в Верховном трибунале апелляции жеймялиссских мясников, осужденных Шяуляйским окружным судом по обвинению в убийстве ветеринара Авижениса, уже назначено на 7 марта.

29 декабря месяца трибунал обсудит вопрос о допуске к слушанию апелляции иностранных экспертов и каунасского врача Вайчушки.

----- 000 -----

Верховный трибунал решил допустить еще одного эксперта к слушанию апелляции по Жеймялисскому делу

«Ди идише штиме» 13 февраля 1931 г. № 39(3429). Стр. 13

Как стало известно, по Жеймялисскому делу защитники подали в Верховный трибунал прошение, допустить еще двух экспертов – иностранного врача и каунасского городского врача Вайчушку - к слушанию апелляции четырех жеймялисских мясников. Верховный трибунал прошение отклонил. Защита подала второе прошение, которым просила дополнить состав экспертов, включить в него врача Вайчушку в соответствии с параграфом гражданского кодекса, где говорится, что число экспертов должно быть нечетным. Верховный трибунал обсудил второе прошение защиты и постановил пригласить врача Вайчушку к слушанию апелляции.

Как нам стало известно, состав судей при слушании дела будет следующий: председатель - г. Старкявичус, судьи – Бразайтис и Римша. Обвинение будет представлять зам. прокурора Верховного трибунала – г. Вальтис. Число защитников останется прежним.

----- 000 -----

Еще один эксперт в Жеймялисском деле

«Летувос жиниос» 13 февраля 1931 г.

Защитники жеймялисских мясников просили Верховный трибунал разрешения пригласить заграничных медицинских экспертов, но трибунал эту просьбу не удовлетворил. Тогда защитники попросили пригласить экспертом врача Вайчушку. Вчера эта просьба обсуждалась в трибунале, и было принято решение пригласить врача Вайчушку в качестве эксперта.

----- 000 -----

Мотивированная апелляция- обжалование Жеймялисского процесса

«Ди идише штиме» 6 марта 1931 г. № 56 (3446). Стр. 7

Не убийство, а несчастный случай. - Окружной суд перегорчил, оперируя фактами. - Неясности и разногласия в экспертизе.- Откуда берутся противоречия в показаниях обвиненных. - Эксперты тоже ошибаются.- Обвиняемые невиновны, их надо освободить.

В субботу, 7 марта с.г. в Высшем трибунале будет рассматриваться апелляция защитников жеймялисских мясников на приговор Шяуляйского окружного суда. Защитники – присяжные

адвокаты д-р И. Робинзон и доцент Станкявичус в своей апелляции поясняют, что в ночь, когда в колодце нашли тело мертвого Авижениса, осмотрели его и расспросили свидетелей, было совершенно ясно, что это – несчастный случай, а не преступление. Свидетель Лопас констатирует, что по приезду в Жеймялис у него создалось впечатление, что как местная, так и приезжая полиция считает происшедшее несчастным случаем. Это мнение было таким сильным, а доказательная база такой слабой, что арестованные мясники были освобождены. При их повторном аресте также никаких доказательств их вины найдено не было, и их опять освободили. В действительности это несчастное место было скользкой тропинкой, проходившей вплотную с неогороженным колодцем. Это несчастное происшествие случилось в зимнюю ночь, при таких психологических обстоятельствах, когда молодой мужчина возвращается после гостевого визита в приподнятом настроении, а из бойни выбегает в состоянии раздражения. Все эти обстоятельства полностью свидетельствуют, что мы имеем здесь дело с несчастным случаем.

И все-таки, через некоторое время после того, как один из обвиненных, гражданин Латвии, несколько раз выезжал в Латвию и добровольно возвращался в Литву, это дело было возобновлено. Подозреваемые мясники были привлечены к ответственности, и окружной суд пришел к выводу, что это не несчастный случай, а преступление.

Чем же обосновывает суд такой вывод?

Вначале окружной суд нашел, что вина подозреваемых точно доказана показаниями свидетельницы Бушманене, которая показала, что не только слышала, но даже видела момент, когда Авиженис был убит. Кроме того, суд посчитал косвенными доказательствами вины подозреваемых, что: 1) смерть Авижениса, в соответствии с выводами уважаемых экспертов, наступила не от его падения в колодец; 2) все обстоятельства данного дела не допускают предположения, что Авиженис сам упал в колодец; 3) обвиняемые дают противоречивые показания; 4) взаимоотношения Авижениса и местных мясников были такими напряженными, что мясники без особой причины могли убить Авижениса.

Анализ первого, так называемого прямого доказательства, показывает, что суд оперирует фактами некритично. Свидетельница Бушманене, которая якобы видела и слышала момент убийства, вела себя довольно странно. Она добровольно пришла в суд в последний момент и без приглашения. Нельзя сказать, что раньше она не имела

возможности представить свои показания. В местечке только и говорили о несчастном случае с Авиженисом. Ее муж, которому она якобы рассказала об увиденном и услышанном, был несколько раз допрошен следствием. Но об этом ни он, ни она сама не проронили ни слова. На вопрос, почему она до сих пор молчала, Бушманене ответила, что боялась вызова в суд. И вдруг без какого-либо требования она сама приходит в суд дать показания. Уже это вызывает сомнение в правильности и правдивости ее показаний.

Рассматривая другие мотивы обвинения, выдвинутые окружным судом, защитники останавливаются на выводах экспертизы, в которых говорится, что Авиженис не мог сам упасть в колодец. Защита усматривает в этих выводах пробелы и мало ясности. Например, трудно понять, как могло случиться, что в протоколе осмотра и вскрытия тела покойного указано, что из его ушей и носа сильно текла кровь. А эксперты на вопрос, какая причина могла вызвать такое кровотечение, ответили, что у покойного не могло быть кровотечения из ушей и носа.

Еще больше сомнений вызывает категоричность экспертов в случае с жирными пятнами на одежде покойного. Свидетели показали, что лацканы пиджака покойного были испачканы нерастопленным животным жиром. Одежда была послана в Государственный институт гигиены, где был проведен анализ, и животное происхождение пятен не было установлено. Другие свидетели показали, что вообще на одежде покойного были жирные пятна. Но уважаемые эксперты, вопреки показаниям свидетелей, доказывали, что пятна на всей одежде были животного происхождения. Это показывает, что и к выводам уважаемых экспертов, надо относиться осторожно.

Защитники подробно останавливаются на выводах экспертов, что от момента получения Авиженисом удара до его последнего вдоха должно было пройти несколько минут. По этому факту защита делает более подробный вывод, принимая во внимание, что лед на поверхности колодца и одежда могли задержать потопление на несколько минут.

Кроме этих выводов экспертов, окружной суд выдвинул и другие мотивы. Суд констатировал, что Авиженис не мог сам упасть в колодец, потому что в тот день он был полностью трезв и знал, что колодец опасен. Защита согласна с тем, что Авиженис знал о колодце. Но это не значит, что он должен был помнить об этом в темноте; к тому же так поздно ночью Авиженис был на бойне впервые. Хотя существуют показания, что Авиженис в ту несчастную ночь не был

пьян, это не значит, что он был в состоянии полного душевного равновесия. Свидетельница, его служанка, показала на следствии, что он не был пьян, но запах алкоголя все-таки от него исходил. Также и другой свидетель, который видел его в тот вечер, сказал о своем впечатлении, что Авиженис немного выпил. Есть и другие факты, свидетельствующие, что в ту ночь Авиженис был в возбужденном состоянии. Он отказался штамповать мясо только потому, что ему не подготовили кусочек мыла для мытья рук. Мясо можно было штамповать, и он не имел права отказаться. Его отказ можно объяснить его возбужденным состоянием. Поэтому надо признать: выйдя из бойни, он был зол, так как поспорил с мясниками по своей вине. Трудно себе представить, что в таком состоянии, он мог внимательно следить за каждым своим шагом, хотя и знал, что неподалеку находится неогороженный колодец. Если учесть, что колодец удален от бойни всего 2,7 метра, тропинка близко к стене бойни не подходит, от бойни несколько спускается, и обледенела, что была темная ночь, то непонятно, как можно утверждать, что Авиженис не мог сам упасть в колодец.

Окружной суд считает, что Авиженис должен был заметить колодец, так как у него был карманный фонарик. Но даже имея его при себе, Авиженис мог не заметить колодец, который находится за углом бойни. Кроме того, мы знаем, что он забыл фонарик на бойне.

Защита дальше объясняет противоречия в показаниях обвиняемых, данных ими суду. Противоречия есть, но они и должны были быть, потому что никто из обвиняемых не имел возможности и оснований внимательно следить за всеми мелочами, в которых могли оказаться противоречия. Противоречия имеются и в показаниях свидетелей, которые вытащили тело из колодца. Таковы некоторые моменты, врезавшиеся им память. По их показаниям не удалось, например, выяснить, куда было обращено лицо Авижениса. Четверо свидетелей, видевших его тело, указали разные направления. Кроме того, даже специалисты-врачи дают противоречивые показания, и даже после того, как эти показания уже запротоколированы. Можно напомнить, что в протоколе осмотра тела покойного констатировано большое кровоизлияние из носа и ушей, а врачи-эксперты, включая Вайтекунаса, производившего вскрытие, приходят к выводу, что это была ошибка.

Так удивительно ли, что простые люди могли что-то забыть в рассказе о случившемся в их жизни, в частности, о том, как забиваются животные на бойне.

Суд констатировал, что торговец Шнайдер, как гражданин Латвии, не знает ни слова по-русски и по-литовски. Поэтому надо признать: противоречия в его показаниях следствие того, что он не понимает, о чем его спрашивают.

Суд говорит о противоречиях в показаниях детей Лакунишков и это подчеркивает. Между тем свидетели при первом полицейском следствии не говорили, что дети могут тоже свидетельствовать события, а только позже они об этом вспомнили. «Это доказывает, - говорят апеллянты – что подозреваемые могли опустить некоторые факты, или их вообще о них не спрашивали. Возможно даже, что личность, которая вела протокол не нашла нужным эти факты запротokolировать».

Под конец апеллянты указывают на то, как осужденные вели себя после случившегося несчастья. Осужденные Флейшман и Шнайдер могли спокойно вообще не фигурировать в деле, так как никто не знал, что они были на бойне. Шнайдер как латышский подданный много раз выезжал из Литвы, и если он был бы виновен, он мог бы вообще не явиться. Во взаимоотношениях Авижениса с мясниками ничего не было такого, что могло привести к убийству. Авиженис не составил ни одного протокола, и все его требования к мясникам были элементарными. Кроме того, надо принять во внимание, что двое из осужденных – Флейшман и Шнайдер – посторонние люди, и у них не могло быть никакой заинтересованности в убийстве Авижениса.

Принимая все это во внимание, апеллянты просят допустить к делу двух новых экспертов (доктора Вайчушку и иностранного профессора) и вызвать нового свидетеля, который знает, что Авиженис велел своей жене купить мясо у Мана.

Осужденные дают показания в свободной манере, потому что не чувствуют за собой вины.

----- 000 -----

Жеймялисское дело

«Летувос жиниос», Каунас, 7 марта 1931 г.

Сегодня Верховный трибунал рассматривает апелляционную жалобу жеймялисских мясников.

----- 000 -----

Жеймялисский процесс в Верховном трибунале

«Ди идише штиме» 9 марта 1931 г. № 58(3448). Стр. 2

Приговор в Жеймялисском процессе будет вынесен в понедельник. Огромный интерес.- Новые эксперты считают, что это несчастный случай. - Эксперт Захарин демонстрирует возможность несчастного случая. - Прокурор и адвокат по гражданскому иску требуют отклонить апелляцию. – Впечатляющие речи защитников Робинзона и Венцлаускаса.

В субботу в Верховном трибунале начали рассматривать апелляцию по Жеймялисскому делу. Уже с самого утра зал был переполнен местными жителями и прибывшими специально из Жеймялиса и других городов. Приехал также жеймялисский раввин, который все время находится в зале.

Около 11 часов утра осужденных вводят в зал суда. Они выглядят намного хуже, чем в Шяуляе. Они очень похудели. Сильно состарился Флейшман, который не в силах сдерживать слезы и часто срывается в плач. Несколько минутами после 11 в зале показываются судьи в составе председателя Стачкявичуса, членов Бразайтиса и Римши, прокурор Каволюс, адвокат по гражданскому иску Слежявичус и защитники, д-р И. Робинзона, Венцлаускас и Станкявичус. Экспертизу представляет д-р Захарин, полковник Ожялис и новый эксперт д-р Вайчушка. Остальные эксперты по уважительным причинам не явились.

Зачитывается мотивированный приговор и апелляция защитников. После оглашения приговора защитник Станкявичус просит, чтобы к делу приобщили паспорт осужденного Шнайдера, в котором значится, что после двукратного ареста, Шнайдер несколько раз выезжал из Литвы в Латвию и обратно. Кроме того, к делу должен быть приобщен составленный Шяуляйским окружным техником план расположения бойни, также фотография бойни и колодца, а также письменное пояснение авторитетных профессоров Штрасмана (Берлин) и Балтазара (Париж). Оба профессора ознакомились с материалами дела и поделились своим мнением, что нет никаких оснований вину за случившееся сваливать на осужденных.

Прокурор высказывается против просьбы защитников о приобщении к делу названных материалов, аргументируя это тем, что неважно ездил ли Шнайдер из Литвы в Латвию или нет. План и фотографию нельзя приобщить к делу, потому что, кто может знать, действительно ли они являются фотографией и планом Жеймялисской бойни. Слежявичус также высказывается против удовлетворения просьбы защитников и приобщения к делу плана. Что касается паспорта, то, по мнению Слежявичуса, Шнайдер хорошо

знал, что Латвия его все равно выдаст. Это заявление противоречит утверждениям защитника Станкявичуса, который неоднократно доказывал, что Шнайдер выдан не был бы.

Защитник Станкявичус в своем слове поддерживает свою просьбу приобщить к делу названные материалы. Прокурор возражает против приобщения к делу мнения иностранных профессоров, потому что в их заявлениях отсутствуют визы литовских консулов, нет нотариального подтверждения подлинности данных материалов и не выполнены другие формальности. Д-р Робинзон заявляет, что подтверждение подлинности не повод, чтобы на этом необычном процессе не было заслушано мнение крупнейших авторитетов Европы.

После короткого совещания судьи решают приобщить к делу названный план, фотографию, письменно изложенные мнения иностранных профессоров, которые будут дополнять материалы экспертизы. Что касается паспорта Шнайдера, то трибунал не считает нужным его затребовать, так как доверяет утверждению защиты, что Шнайдер действительно несколько раз выезжал из Латвии в Литву и обратно.

Слушание дела начинается с доклада эксперта – д-ра Вайчушки.

- Я хорошо ознакомился со всеми материалами процесса, особенно с мнением экспертов, и в ряде вопросов я с ними не согласен. Я пришел к другому мнению в главном вопросе: был ли действительно Авиженис убит, как установил окружной суд, или мы имеем дело с несчастным случаем. В соответствии с моей практикой, я не вижу никаких внешних следов удара тяжелым предметом. При таком ударе должны остаться заметные следы ранения – раздробленные кости и разбросанные куски мозга, но при внешнем осмотре такие следы не обнаружены.

Мнение, что след от удара около уха Авижениса от грубого полена, ничем не обосновано. Мне не известны случаи, когда при намерении убить человека грубым предметом удар наносят точно со стороны (как утверждается в данном случае). Такой удар наносят точно по голове спереди или сзади. Со стороны такой удар не достигнет цели.

Я вообще не допускаю версии убийства и склонен верить, что это несчастный случай. Вероятно, что Авиженис мог упасть в колодец.

При этом Вайчушка иллюстрирует судьям возможности падения Авижениса в колодец и ранения его от удара при падении. Рана была смертельной, но мгновенной смерти она вызвать не могла. Но с

несчастливым случился сердечный приступ, и это приостановило его дыхание, хотя несколько мгновений пульс у него еще был. Факт, что у него обнаружили свернутую кровь, мог произойти оттого, что он лежал в холодной воде. Мнение защитников, что Авиженис после падения в колодец мог несколько мгновений продержаться на воде – правильное, и я с ним согласен. Мне пришлось однажды присутствовать при расстреле человека (в соответствии с исполнением приговора). Он упал мертвым в яму с водой, но верхняя часть тела еще несколько мгновений оставалась над водой, несмотря на то, что на его ногах были тяжелые металлические кандалы. Этот факт объясняется тем, что одежда замедлила процесс потопления. Итак, рассмотрев целый ряд фактов, я прихожу к выводу, что мы здесь имеем дело с несчастным случаем, а не с убийством.

Эксперту ставится целый ряд вопросов со стороны обвинения и защиты.

Прокурор спрашивает:

- Возможно ли, желая только оглушить человека, чтобы потом его вбросить в колодец, нанести удар не в центр головы, а со стороны?

Д-р Вайчушка.

- Я считаю, что при решении убить человека, убийцы не будут столь внимательны, и будут думать только, как оглушить человека.

Прокурор.

- Не завернули ли убийцы полено во что-либо мягкое, чтобы от удара не осталось следов?

- Таких случаев, когда убийцы оборачивают инструмент убийства, в данном случае полено, мне не известно. Наоборот, если бы преступники хотели его только оглушить, чтобы потом вбросить в колодец, они могли это сделать намного проще: заткнуть ему рот, чтобы он не кричал, и вбросить в колодец.

Д-р Вайчушка считает естественным, что руки Авижениса были прижаты к телу, а не растопырены.

Второй эксперт, д-р Захарин, оглашает свои выводы, которые, на сей раз, более приемлемы для защиты, чем были в Шяуляе. Во-первых, он останавливается на представленных в апелляции выводах защиты, сделанных на основе материалов экспертизы, оглашенной в Шяуляйском городском суде. Он согласен с тем, что современная медицина не может отличить удар от падения от удара, нанесенного посторонним предметом. Часто рана, полученная от падения, более опасна, чем рана от постороннего предмета. Авиженис мог упасть в

колодец уже без сознания и бездыханный. Чувствуя ответственность перед страной, людьми и четырьмя осужденными, я должен согласиться с мнением профессора Балтазара, и возможно, что здесь произошел несчастный случай. Д-р Захарин при этом представил суду макет бойни и прилежащего к ней колодца, где изготовитель с математической точностью представил все предметы с подвижной фигурой человека. Д-р Захарин продемонстрировал, как этот несчастный случай мог произойти. Эта модель – очень хорошая идея для расследования дела.

Прокурор спрашивает эксперта: «Может ли быть получена смертельная рана при падении на лед?»

Д-р Захарин: «Такие несчастные случаи бывают».

Эксперт - полковник Ожялис остается при своем прежнем мнении. Ожялис не отвечает на вопрос, мог ли несчастный набрать воды в дыхательные пути или нет. Он согласился бы с мнением профессора Балтазара, если бы последний был ознакомлен со всем делом. Под конец он нервным тоном отвечает на ряд вопросов защиты.

Экспертиза закончена. Объявляется перерыв, после которого прокурор выступает с обвинительной речью.

Вначале он останавливается на двух моментах, один из которых облегчает, а другой затрудняет ведение судебного дела. Первый момент – это то, что в деле замешан национальный вопрос: евреи убили государственного служащего, а это не укладывается в сознании. Если рассматривать события в таком политико-национальном свете, то суду трудно приступить к делу. Момент, который облегчает дело, это то, что все факты уже были подробно расследованы окружным судом. Те неточности, которые защита нашла в выводах экспертизы, не играют в деле большой роли. Даже то, что местная полиция предварительно констатировала несчастный случай, не имеет большого значения. Мнение, что Авиженис в ту несчастную ночь был в плохом настроении, тоже неправильное. Значит, - говорит прокурор, - мы тут имеем дело только с убийством, а не с несчастным случаем. Показания, что это убийство – бесспорные: Авиженис умер не оттого, что он утонул, а от удара; он не мог сам упасть в колодец, потому что отверстие в колодце было узким. Прокурор повторяет обвинения, которые были построены на забытом фонарике, на показаниях Бушманене, якобы видевшей и слышавшей момент убийства, причиной убийства называется плохое взаимопонимание между мясниками и Авиженисом. Не мясники

Флейшман и Шнайдер тоже были заинтересованы убрать с пути Авижениса, так как он мешал им в деле перевозки мяса. Частые поездки Шнайдера в Латвию, наоборот, показывают, что он хотел прикрыть следы своего преступления. Г. Каволюс долго говорит о противоречиях в показаниях осужденных и переходит к мотивам, которые привели их к преступлению. Это, по мнению г. Каволюса, слишком строгие требования Авижениса к мясникам. Как совершенно убийство, кто убийца, установить нельзя, потому что, кто знает, молчат. Известно только то, что убийца среди осужденных. Вообще, о мясниках можно поверить всему. Имея дело с кровью, они становятся к ней невосприимчивыми. Что не могли бы исполнить люди других профессий, могут сделать мясники. Это означает, что убийство совершили мясники, и апелляцию надо отклонить.

Вторым обвинителем выступает адвокат по гражданскому иску г. Слежявичус. Его речь - резко обвинительная. Он останавливается на основном вопросе – убийство или несчастный случай. Что второе исключено адвокат доказывает следующими фактами: Авиженис знал об опасности неогороженного колодца – ранее он требовал, чтобы колодец был огорожен. В ту несчастную ночь он не был пьян, и поэтому он не мог сойти с прямой дороги. Мясники и возчики были кровно заинтересованы, чтобы забитое мясо было отштамповано той ночью. Аргументы ветеринара могли вызвать чувство мести у мясников. Первые следствия велись в пользу осужденных. Возможности несчастного случая отпадают, и мы тут имеем дело только с убийством, а убийцы – только мясники. Поэтому апелляцию надо отклонить и оставить уже присужденный гражданский иск.

Первым из защитников выступает д-р И. Робинзон. Он рассмотрел психологическую сторону всего этого дела. При этом он говорит якобы как обвинитель осужденных. А именно: их обвиняют в тяжелом преступлении, в убийстве гражданами государственного служащего. Если мы пойдем таким путем, мы неминуемо наткнемся на важный момент, усложняющий дело. В нем фигурируют мясники и возчики, женщины и дети (мать и дети Лакунишоков). Почему не посадили на скамью подсудимых остальных фигурантов этого дела? Нам называют причину: дети не могли участвовать в убийстве, потому что они идут рано спать. Этот аргумент был бы хорош, если бы речь шла о детях из интеллигентной семьи, и, кроме того, брат погибшего ветеринара рассказывает, что дети в бойне часто присутствовали, и это понятно, если иметь в виду, что Лакунишок-отец неработоспособен, и дети должны зарабатывать на хлеб. Остальных

фигурантов сознательно не посадили на скамью подсудимых, потому что тогда вообще не могли бы построить обвинение. Обвинение с участием женщин и детей не было бы возможным. Прокурор выдвинул тяжкий обвинительный довод: мясники могут стать убийцами, потому что они привычны к убийству животных, а когда надо, то же самое могут сделать с человеком. Но г-дин прокурор забыл, что у евреев животных забивают не мясники, а резники, Еще не было случая, чтобы мясник один забил скотину. Говорят, что были общие интересы у мясников и возчиков убить ветеринара, потому что возчикам тоже грозило лишение заработка. Но я бы хотел, чтобы мне на основании чего-либо доказали, что возчики возили только мясо. Наоборот, мы знаем, что мясной извоз был для них дополнительным делом, А если даже это было бы их основным делом, если бы в ту несчастную ночь они и повезли мясо, то на следующий день его бы все равно не продали. Желая оправдать версию убийства, нам говорят, что были причины, которые вели к конфликту. Если только мы объективно посмотрим на все это дело, выяснится следующее. Не прошло и недели, как Авиженис приступил к своим обязанностям в Жеймялисе. Его требованиями были чистота на бойне и наличие куска мыла. Бойня была в полном порядке, осталось только второе требование кусок мыла. И это должно было привести к убийству? Прокурор смотрел на все обстоятельства дела, направленные против осужденных, через микроскоп. Возможно, поэтому кусочек мыла, рассматриваемый в микроскоп, разросся в огромную гору. Надо же мясникам так «повезти», что именно в ту ночь им понадобилось штамповать мясо; так что же помешало им убить Авижениса и его штампом отштамповать мясо? Этому бы ничего не помешало.

Прокурор затронул и национальный вопрос. Я уверен, что для нашего трибунала этот вопрос не существует. И мы должны придти к выводу, что, если это убийство, то в чем была его цель? Мы видим, что ни общей, ни частной, ни психологической цели для убийства не было. Давайте попробуем поискать психологические моменты в этом деле. Давайте посмотрим на осужденных. Они производят впечатление честных людей. Давайте зададим себе вопрос, способны ли они на убийство? Д-р Робинзон дает характеристику каждому из осужденных. Л. Ман – еврей, старик, стоящий на краю могилы. А. Флейшман – типичный еврейский возчик, для которого несоблюдение субботы – самое большое преступление. Мальчишка Лакунишок – только вступил в жизнь. Четвертый, Шнайдер - духовно плохо развит,

сам не знает, на каком он свете. Так эти люди без всякой цели убили государственного служащего?

Приложив огромные усилия, чтобы найти, на кого свалить вину, может можно обвинить Мана и Лакунишка, но против Шнайдера и Флейшмана ничего найти нельзя. И эти невинные люди, не мясники, даже не из одного государства, должны нести на себе тяжесть приговора на 12 лет тяжелых принудительных работ, что в условиях наших тюрем означает посмертно? Такие решения могут принять только изверги. Если они осуждены за общее молчание, как говорилось в окружном суде, то это неправильный путь. Может их молчание и доказывает, что им нечего сказать, кроме того, что они уже сказали. Господа судьи, судьба этих невинных людей и их семей в ваших руках.

Защитник Венцлаускас говорит о юридических ошибках во всем процессе. Никто из обвинителей не затронул основной вопрос, как был убит Авиженис. По словам Бушманене, на которых прокурор построил обвинение, убийство было совершено на улице. Спрашивается, где следы? Ведь полиция основательно осмотрело место происшествия и старалась изо всех сил их найти. И ничего не нашли.

В мотивированном приговоре окружного суда мы не находим против осужденных ни одного подтвержденного мотива. Пишут, что они виновны, потому что молчат. Но им нечего сказать, потому что это несчастный случай. Говорят, что мясник – злодей. Почему? Докажите, что среди преступников много мясников. Что касается осужденных, они никогда не обвинялись в преступлениях. Показания против обвиняемых не имеют никакой ценности. Даже Лопас не может ничего плохого о них сказать, и в его показаниях много противоречий.

Очень много внимания уделено показаниям Бушманене. По моему мнению, ей нельзя доверять, потому что полиция расспрашивала каждого, кто хоть что-либо слышал. К следователю приходили даже те, кто рассказывал о незначительных фактах или о фактах, не относящихся к делу. Два раза к следователю вызывали мужа свидетельницы, но ни одного ее слова от него не услышали. Она вообще не могла слышать ничего, что происходило на бойне, потому что живет от нее более, чем в четверти версты.

Г. Венцлаускас объясняет историю с пятнами на пиджаке у Авижениса. Он заканчивает взволнованным тоном, что мы имеем здесь дело с несчастным случаем, а не с убийством. Мы должны освободить осужденных.

Председатель объявляет перерыв до 9 утра в понедельник. Выступит еще адвокат Станкявичус, после чего будут реплики сторон и последнее слово осужденных. Вынесение приговора ожидается в понедельник после обеда.

И. Жапер

----- 000 -----

Жеймялисское дело в Верховном трибунале

«Летувос жиниос» 9 марта 1931 г. Стр. 1, 5

Новые и старые эксперты с фотографиями и моделями. Мнение профессоров Берлинского и Парижского университетов. Непростая заинтересованность делом среди евреев. Представители Всемирного еврейского телеграфного агентства слушают дело. Мнения экспертов, обвинителей и защитников.

7 марта Верховный трибунал рассматривал апелляционную жалобу жеймялисских мясников.

Председателем суда назначен Стачкявичус, члены суда – Римша и Бразайтис. Обвинял - помощник прокурора Каволюс, гражданский иск вел адвокат М. Слежявичус.

По общей договоренности подсудимых, их защищали доцент Станкявичус, адвокат Венцлаускас и д-р Робинзон.

Каунасская еврейская община проявила большую заинтересованность в этом деле. Зал заседаний и галерея были переполнены, многие стояли, людей было как сельдей в бочке. Еще большая часть публики была оттеснена полицией от входных дверей здания. В зале присутствовал значительный отряд еврейских корреспондентов, представляющих многие газеты.

Слушать дело жеймялисских мясников пришел редактор еврейского телеграфного агентства Смолер, вчера приехавший в Литву. Он сравнивает Жеймялисское дело даже с Дрейфусиадой.

Представители подсудимых апелляционную жалобу составили очень длинной. В ней решение Шяуляйского окружного суда рассматривается как ошибочное, а обвинение как чудовищное.

Согласно жалобе, жители округи, тайная и общественная полиция – все были уверены, что это – несчастный случай. Главная свидетельница Бушманене, которая якобы слышала, что убивают Авижениса, и гул, поднятый при этом убивающими евреями, в

действительности не могла этого слышать, так как она живет за 250 метров от места, где случилось несчастье.

В ответах экспертов много неясностей и противоречий.

Институт гигиены не установил, была ли одежда покойного выпачкана жиром, а если и выпачканы, то каким. Покойный был взволнован и мог упасть в колодец, не заметив его.

В окончательных выводах апелляторы просят Верховный трибунал отменить решение Шяуляйского окружного суда и подсудимых оправдать.

Потом началось дополнение материалов дела.

Защитники просят дополнить дело фотографиями с плана местечка Жеймялис и с места происшествия, сделанными инженером Шяуляйского округа, мнением профессоров Парижского университета Бальтазара и Берлинского университета Штрасмана о гибели Авижениса и затребовать из Каунасской тюрьмы паспорт подсудимого Шнайдера.

Защитники объясняют, что на плане Жеймялиса показано, на каком расстоянии от колодца живет свидетельница Бушманене, и что фотографии помогут суду выработать правильное мнение. Проф. Бальтазар согласен со многими положениями экспертизы в этом деле, но делает осторожный вывод, что тут может быть и несчастный случай. Из паспорта можно будет увидеть, что Шнайдер, выпущенный после первого и после второго ареста, ездил в Бауск и не боялся возвращаться, значит не чувствовал себя виновным и поэтому.

Весь материал, предложенный защитниками, кроме паспорта Шнайдера, Верховный трибунал приобщил к делу.

Версии врача Вайчушки

Как известно, по повторной просьбе защитников, Верховный трибунал разрешил быть экспертом каунасскому врачу Вайчушке. От него в Верховном трибунале ожидалось что-либо интересное и новое. Ожидания оправдались. Врач Вайчушка высказался прямо противоположно мнениям экспертов, приглашенным судом, и эксперта подсудимых д-ра Захаринаса. Для доказательства своих утверждений Вайчушка принес подготовленный чертеж и модель.

Первая версия. По поводу удара. Если бы покойного ударили твердым тупым предметом (как утверждают эксперты д-р Ожялис, д-р Кузма, проф. Винтелерис и д-р Захаринас), то, по мнению Вайчушки, в месте удара следов может и не быть, но последствия удара могут сказаться в другом месте.

Целесообразность удара здесь тоже сомнительна: кто хочет убить человека, бьет в затылок, а не сбоку.

Вторая версия. Мог ли покойный упасть в колодец? Мог, если одна его нога ступила в колодец. Падая, он мог удариться о сруб. Колодец был замерзшим, но прорубь была, плюс еще вес человека, так что падение в воду было возможным.

Ударившись о сруб колодца, покойный мог потерять сознание, перестать дышать, а от холодной воды перенести сердечный шок.

На данные вскрытия нельзя обращать много внимания, так как в бронхах найдена жидкость. Может это признаки того, что покойный захлебнулся?

Наиболее вероятно, утверждает Вайчушка, что Авиженис сам упал в колодец.

Прокурор.

- Мог бы покойный удариться о сруб колодца так, что случился сердечный шок?

- Мог,- ответил д-р Вайчушка.

Прокурор.

- Могло ли быть так, что сначала оглушили, а потом вбросили в колодец?

- Убийца не бывает таким милосердным.

Прокурор.

- Так, уважаемый, думаешь, что из милосердия его вбросили в колодец?

- ?!

После обеденного перерыва первым говорил д-р Захаринас. Он принес красивую модель жеймялиссских бойни и колодца, изготовленную в тюремных мастерских. По разрешению суда он продемонстрировал модель в действии: выгнал из бойни манекен и топил в колодце.

Д-р Захаринас остался при прежнем мнении и согласен с выводами проф. Бальтазара.

Полковник д-р Ожялис сказал: «Новых данных нет, и я своего мнения не меняю. Проф. Штрасман, чье мнение как ученого приобщено к делу, допускает, что Авиженис мог захлебнуться водой, но данные дела говорят об обратном».

Тут стали обсуждать действие сил инерции при ходьбе и падении. Покойный мог упасть в колодец по диагонали. Если бы он упал так, то ударился бы в двух местах. Значит, по диагонали покойный упасть не мог. Вообще, все обстоятельства указывают на то,

что Авиженис сам в колодец упасть не мог. В соответствии с мнением проф. Бальтазара доц. Д-р Ожялис сказал:

- Если бы Бальтазару были бы предоставлены все материалы дела и все мелочи и обстоятельства ему были бы известны, то неизвестно какого бы он мнения придерживался. Но и теперь Бальтазар говорит очень осторожно.

Прокурор

- Суд должен признать факт смерти служащего при исполнении служебных обязанностей. В этом деле раздувается национальный момент. Видите ли, евреи не могли этого сделать. Если так изучать дело, то его нельзя правильно понять.

После этого, прокурор опровергает поднятые в кассационной жалобе мотивы и подробно анализирует обстоятельства дела:

- Если бы покойный изувечился, падая в колодец, следы ушибов были бы – вертикальные. Говорят, что он упал, ударившись. Этого быть не могло. В кармане у него был фонарик, и, выйдя в темноту, он сразу бы о нем вспомнил. А между тем фонарик найден в бойне и перегоревший. А установлено, что пока фонарик был в руках Авижениса, он горел. Так вот, фонарик на бойне не Авиженис оставил, а убийцы помогли. Бушманене шум могла слышать: ведь ночью тихо. Обыски в этом деле проводились плохо. И все-таки подсудимые один другому противоречат.

Роль подсудимых в этом деле уже ясно установлена, и прокурор просит апелляционную жалобу отклонить.

М. Слежявичус

В начале своей речи адвокат подчеркнул, что покойный хорошо знал о колодце без ограждения, так как неоднократно требовал его оградить из-за опасности упасть. Если бы покойный упал сам, то остались бы какие-либо следы на льду. А теперь и руки покойного остались совсем чистыми. Вайчушка сам сказал, что он только предполагает, как все могло случиться.

Подсудимые имели основание убить. Был спор между представителем общественности и мясниками. Этот спор затронул кровные интересы подсудимых. Кроме всего, г. Слежявичус выдвинул такое интересное обстоятельство: все подсудимые говорят, что когда покойный вышел из бойни, дверь бойни осталась открытой. От бойни до колодца 3,5 м, так если бы покойный упал в колодец, неужели бы подсудимые ничего не слышали?!

Должен был быть слышен треск, а от падения в воду всплеск. А подсудимые говорят, что ничего не слышали? Просит отклонить апелляционную жалобу.

В 11 часов вечера делается перерыв до 9 часов утра понедельника.

----- 000 -----

Сегодня будет вынесен приговор в Жеймялисском процессе

«Ди идише штиме» 10 марта 1931 г. № 59(3449). Стр. 1

Сильная речь адвоката Станкявичуса.- После перерыва. – Реплики сторон

Судебное заседание началось сегодня довольно рано. Заинтересованность в нем населения была огромной. На лицах каждого – напряженное ожидание. Сильную речь произнес защитник – профессор Станкявичус. Он подробно остановился на материалах обвинения и экспертизы и, основываясь на их анализе, доказал беспринципность и бездоказательность всего обвинения. Речь Станкявичуса продолжалась почти до 11 часов. После получасового перерыва начнутся реплики сторон. Приговор будет вынесен сегодня, в понедельник, вечером.

Вокруг Жеймялисского процесса

Там же. Стр. 2

Неопределенность остается

Субботу и воскресенье Каунас жил под впечатлением от Жеймялисского процесса, проходящего в Верховном трибунале. В субботу все выглядело так, как будто еврейское население Каунаса не имеет больше никаких забот, кроме этого процесса, и никаких мест прогулок, кроме улицы Ожешко (улица, где находился Верховный трибунал). Вход посетителей в зал был строго ограничен, и стоящие на улице с завистью смотрели на тех, кому он разрешен.

Чувствуется, что в Высшем трибунале процесс проходит иначе, чем в окружном суде, где пока проходил процесс, тучи сгущались с каждым днем. Но есть ли повод для улучшения настроения, сказать трудно. Совершенно ясно, однако, что появились моменты, которые говорят в пользу осужденных.

Экспертиза

В первую очередь появилось более удовлетворительное объяснение результатов экспертизы. Не только эксперты, представляющие защиту – д-р Захарин и д-р Вайчушка, - делают удовлетворительные выводы, но даже д-р Ожялис заметил, что у самоубийц, бросающихся с моста в воду, часто в легких воздуха не остается, так как при падении с ними случается сердечный приступ, и, упав в воду, они уже не дышат.

Другие хотят увидеть положительные признаки в факте, что трибунал удовлетворил просьбу защиты приобщить к делу дополнительные документы. Но компетентные люди говорят, что обычно трибунал во всех серьезных процессах удовлетворяет просьбы сторон, чтобы внести большую ясность в дело.

Одно можно уже предвидеть: часть мотивов преступления, где говорится о заранее запланированном убийстве, будет отброшена.

Предположения и догадки

Процесс ясно показал, что мы имеем здесь дело с целым рядом сложных вопросов. Как бы ни пытались их объективно рассмотреть, они не имеют под собой четкой доказательной базы. Все строится больше на догадках и предположениях, не хватает фактов, ясных доказательств, нет свидетелей.

К тому же на Шяуляйском процессе судебная экспертиза резко изменила свои показания; особенно не хватает мотивов для доказательства, что это не преступление.

Вот и сидят четыре осужденных на скамье подсудимых, тихие, спокойные, и глубокая печаль видна на их лицах. Посторонние люди бросают на них взгляды и пытаются найти в их лицах черты «преступников», пытаются, но не могут...

Прокурор напоминает о «национальном» моменте. Он говорит, что здесь искусственно введен «национальный» момент, и это может помешать рассмотрению дела и затруднить вынесение приговора.

Да, это правда.

Но кто в этом виновен? Евреи точно из этого дела не делали «антисемитского» процесса. Эта инициатива пришла только с другой стороны.

Как только в местечке и за его пределами стало известно о трагической смерти несчастного ветеринара Авижениса, безответственные личности сразу постарались распространить слух, что это сделали евреи.

Распространился навет, который взбудоражил крестьян. Жеймялиссские евреи жили в страхе, и если бы центральные власти не приняли бы определенные меры, дело дошло бы до кровавых эксцессов.

Интересно, что и брат погибшего в своих показаниях говорил судебному следователю, что Авиженис не любил евреев. Родственники тоже жаловались на «еврейский момент». Нет, не евреи возвели этот случай в национальный навет. Но ничего не поделаешь, жеймялиссский раввин и все местечко, которые хорошо знакомы с осужденными, абсолютно уверены, что здесь произошел страшный фатальный случай. Осужденные не имеют никакого отношения к этому несчастному случаю. Верховный трибунал, который стоит выше местных толков и недоразумений, имеет более широкие возможности докопаться до правды. Поэтому настроение в зале чуть более бодрое.

Все надеются...

Настроение напряженное

Каунас живет под знаком этого процесса. Он – тема ежедневных бесед на улицах, в синагогах, дома.

В субботу восемь часов непрерывно звонит телефон в редакции. Под впечатлением этого процесса живет и провинция, особенно Шяуляй. Там этот процесс проходил в первой инстанции, и все хотят узнать, как он проходит во второй.

Процессом живет Паневежис, Вилкавишкис, Ретава, Юрбаркас, Таураге. Звонят отовсюду и на одном дыхании задают тот же вопрос:

- Ну, что слышно в трибунале?

Да, жеймялиссские события достигли даже самые отдаленные уголки, не говоря о самом Жеймялисе. Жеймялисцы во главе с их раввином тоже приехали на процесс.

Раввин весь день находится в трибунале. Его ермолка выделяется среди непокрытых голов остальных присутствующих, он прислушивается к каждому слову. Во время перерыва он тихо прогуливается по коридору; по его лицу видно, как тяжело переживает он эту трагедию. Он не может ошибаться; он же знает каждого еврея местечка. Он чувствует, где правда, но как ее доказать?

Еще день, и трибунал скажет свое последнее слово, свое последнее твердое слово.

----- 000 -----

Жеймялисское дело в Верховном трибунале

«Летувос жиниос» 10 марта 1931 г. Стр. 1,5

Убийство признано. Заговор не доказан. Осужденным наказание снижено

Защитник подсудимых д-р Робинзон доказывает, что заговора не было, так как не может быть заговора, если там участвуют женщины и дети.

Говорят, что там был конфликт интересов. Это неправда. Не было никакой цели, не было никакого особого повода к убийству, а человек мертв. Никаких утаенных инстинктов для убийства человека не было. И вообще версия убийства не достойна доверия. Ведь, если допустить, что эти четверо убили, разве могли бы они скрыть тайну?

Дальше Робинзон широко анализирует психологические, социальные, этнические и даже еврейские ритуальные аспекты. Он просит осужденных оправдать.

Венцлаускас в речи широко останавливается на локализации. По его мнению, прокуратура не может указать в каком месте произошло преступление, кто ударил, от чьей руки наступила смерть. Кто договорился, где, когда? На полицию, говорит Венцлаускас, мечут гром и молнию, что она плохо проводило следствие, однако все критикуемые лица, кроме Баранаускаса, в полиции не служат.

Дальше в своей речи Венцлаускас доказывает несостоятельность показаний свидетельницы Бушманене и других свидетелей.

Доцент Станкявичус свою речь начал с большого вступления. Если было убийство, то за это злодеяние должно быть понесено должное наказание, а если это был несчастный случай, то осужденные – несчастные жертвы.

Плохое следствие для невинного человека – страшная вещь, а хорошее следствие для невинного – это благо – сказал он о следствии. Станкявичус рассматривает версию, что подсудимые договорились, а само убийство совершили, например, Ман и Лакунишок. Но разве эти двое такие герои, чтобы жертвовать собою за 15 жеймялисских мясников? Были ли они взволнованы? Конечно, были. Атмосфера уже была накалена, а отказ врача штамповать мясо внес искру в огонь. Если бы один из подсудимых убивал, то перед убийством его должна была бы осенить патологическая мысль. Допустим, что кто-то один ударил врача, тогда другие три лишь помогли этот факт утаить. Тогда их надо обвинять только за утаивание преступления, но не за убийство.

Из выступления Станкявичуса можно предположить, что защитники не уверены, не сделает ли скамья подсудимых при последнем слове какое-либо неожиданное заявление.

После этого, Станкявичус, опираясь на мнение доктора Вайчушки, заявил, что версия о несчастном случае - самая верная.

Вайчушка утверждает, что существует различие результатов: удар по голове нанесен предметом и удар произошел, стукнувшись о предмет. Именно, если покойному был бы нанесен удар твердым тупым предметом, было бы большое кровоизлияние в мозг, а если покойный головой ударился о предмет сам, то только может быть лишь след от удара. По мнению доктора Вайчушки в этом случае твердым предметом служил острый край сруба колодца (Другие эксперты in cogroge и проф. Балтазарас утверждают, что результат такой же: или предметом по голове или головой о предмет. Примечание автора). Так, Станкявичус более подробно развивает версию врача Вайчушки и отрицает вину подсудимых.

Реплики

Прокурор. Так как Станкявичус широко опирается на мнение врача Вайчушки, то прокурор нашел нужным в реплике заявить, что мнение Вайчушки очень странное. Вайчушка якобы пытается опереться на научные данные и свои выводы делать из явлений и фактов. Однако, Вайчушка опирается не на данные и обстоятельства дела, а ищет уточнений. Уточнения не входят в обязанности эксперта, это роль адвоката.

Защитники защищаются ритуалами; мол, мясники Жеймялиса не могли иметь мяса плохого качества, которое врач Авиженис не мог бы штамповать, так как бойня была «кошер», а подсудимые религиозные евреи. Прокурор на это отвечает, что и евреи придерживаются «кошера» не всегда, ведь один из свидетелей показал, что жеймялиссские мясники однажды зарезали нездорового теленка и «некошерным» мясом попотчевали самого раввина. Или известно дело Сингера, который варил, якобы, «песахувку»¹⁷, а на самом деле под этой маркой продавал простую водку. Поэтому, этими аргументами не следует оперировать.

М. Слежявичус в своей второй речи еще детальнее осветил факты, поднятые в его первой речи, указал на причину конфликта между подсудимыми и врачом-ветеринаром, оценил мнение экспертизы.

Последнее слово. Последнего слова подсудимых ожидали с большим интересом.

Казалось, их защитник доц. Станкявичус в его речи как-то неявно дал понять о возможности признания подсудимыми своей вины. Но на скамье не оказалось ничего нового: все невиновны и просят суд их оправдать.

Сказа последнее слово, вся скамья подсудимых начала рыдать страшно и, тяжело дыша, заламывать руки.

Неожиданный вердикт

Во время перерыва публики нисколько не поубавилось. Сегодня было особенно много юристов и служащих судов (в зал допускались только студенты юриспруденции, служащие судов и родственники). Целый час совещавшийся суд вышел и дополнил ранее заданные вопросы двумя новыми, а именно, если подсудимые не убивали, не являются ли они виновными в сокрытии трупа, и если Лакунишок виновен, то совершил ли он преступление сознательно.

Затем суд опять ушел на совещание.

Теперь уже стало ясно, что решение окружного суда будет изменено. Действительно, через несколько минут суд вышел и объявил, что убийство признано, заговор не доказан, за сокрытие убийства по ст. 161 и 51 уголовного кодекса Абрам Флейшман, Лейзер Ман и Абрам Шнайдер осуждены по одному году тюрьмы, Матис Лакунишок сдается в Калабержское трудовоспитательное учреждение для несовершеннолетних преступников.

Отсиженное время не учитывается, значит, осужденные должны будут еще год сидеть.

Гражданский иск еще не рассматривался. Гражданский иск еще, может быть, будет рассматриваться в гражданском суде.

----- 000 -----

Жеймялисские мясники осуждены на 1 год тюрьмы (52)

«Ди идише штиме» 11 марта 1931 г. № 60(3450). Стр. 2

Гражданский иск не удовлетворен. - Лакунишок в колонии для малолетних преступников. - Мясникам снято обвинение в убийстве, они осуждены за скрытое укрывательство намерений убийства. - Неясности в приговоре. – Как осужденные восприняли приговор. – «Мы невиновны, за что нам это?»: происходит душераздирающая сцена после вынесения приговора. – Речь адвоката Станкявичуса. – Последнее слово осужденных.

В воскресенье 9 марта должно начаться заседание по Жеймялисскому делу. Зал, коридоры, галерея уже заранее переполнены людьми. Вызван усиленный полицейский наряд, который удаляет часть людей, и в зале остаются только родственники и юристы. В то же время люди делятся прогнозами по этому процессу, делают различные предположения, и никто уже не сомневается, что приговор будет другим.

Напряжение всех собравшихся в зале достигает высшей точки, когда судьи уходят на свое совещание.

Осужденные Флейшман и Ман в слезах шепчут молитву. Молодые Лакунишок и Шнайдер застыли в ожидании.

Рисунок 1. С заседания Верховного трибунала. Слева направо: обвиняемые Флейшман, Шнайдер, Ман, судья Стачкавичус.

Слышится звонок. Все бегут в зал. Показываются судьи. Но приговор еще не выносится. Судьи ставят еще целый ряд вопросов, из которых присутствующие юристы делают вывод, что речь идет об изменении приговора Шяуляйского суда.

Еще некоторое время напряженного ожидания, и в три часа дня в зале появляются судьи уже с приговором. Воцарилась мертвая тишина. Все затаили дыхание, когда председатель начал знакомую процедуру зачитывания приговора:

- Именем Литовской республики Высший трибунал вынес решение изменить приговор Шяуляйского окружного суда. Осужденные Флейшман, Ман и Шнайдер осуждаются по статье 166 пункт 2 по 1 году обычной тюрьмы, а несовершеннолетний Лакунишок передается в воспитательную колонию в Паберже¹⁸. Гражданский иск не удовлетворяется.

При этом председатель дополняет приговор небольшим объяснением:

- Трибунал признает, что Авиженис был убит. Не доказано, что убийство было заранее запланировано; также не установлено, кто убийца.

Это все, что сказал председатель. Осужденные остаются сидеть окаменевшими. Д-р И. Робинзон и автор этих строк пытаются их успокоить. Но Флейшман выкрикивает со слезами: «Я же невиновен, за что мне это?».

Этот кратко сформулированный и неясный приговор вызывает у присутствующих юристов огромное удивление. Однако, факт констатируется всеми и прокурором г. Каволюсом: «Подозреваемые осуждены не за убийство, а за злостное сокрытие намерения совершить преступление. Находится ли убийца среди осужденных или нет, не установлено. Гражданский иск не удовлетворен».

Народ медленно расходится. На улице полицейские стараются успокоить людей, которые хотят узнать приговор. Вскоре на улице показываются специальные листки газеты «Ди идише штиме», в которых публикуется приговор. В редакции не перестают звонить телефоны. Вся Литва спрашивает о приговоре. Все считают, что по сравнению с приговором Шяуляйского окружного суда этот приговор более справедливый. Вообще, если иметь в виду, что с них уже снято пятно убийц, все равно этот приговор жестокий.

Под конец произошла еще острая схватка между защитниками и обвинителями. Особенно острыми были последние реплики между д-ром И. Робинзоном и адвокатом по гражданскому иску г. Слежявичусом. Последний уже, видимо, почувствовал, что все-таки удастся выявить некоторую безосновательность обвинения, и он теряет часть гонорара от гражданского иска. Поэтому Слежявичус напряг все свои ораторские возможности, чтобы заявить какие-либо обвинительные мотивы.

Когда начались выступления, с речью выступил адвокат Станкявичус, Он выступал около двух часов с полной уверенностью в своей правоте. Как последний выступающий он отдает себе отчет обо всей ответственности всех тех, кто принимает участие в этом постыдном деле. Если мы имеем тут дело с убийством, виновные должны быть строго наказаны, но если подозреваемые невиновны, они должны быть освобождены. Мы должны тут найти ответ на основной вопрос, имеем ли мы дело с убийством или с несчастным случаем.

Во всем этом деле мы встречаем целый ряд неясностей, а также противоречия в показаниях некоторых свидетелей, специалистов и экспертов. Эксперт полковник Ожялис говорит тоном, который больше подходит к казарме, что не надо тут строить гипотезы. Ему это так легко сказать, но мы должны доискаться до правды, и поэтому мы должны оперировать гипотезами.

Я знаю, что трибунал ищет правду в этом процессе. И обвинители ищут правду. Но с поисками последних мы не можем согласиться. Я хочу, чтобы суд поверил, что и защита ищет правду, полную правду до конца.

Мы ведем теперь очень трудное дело, хотя все могло бы быть ясно и очень понятно. Площадь бойни составляет всего 5х5 метров, а вместе с колодцем еще 5 метров и если бы эту маленькую площадь хорошо обследовали, то, несомненно, найдены были бы следы убийства или несчастного случая. Было установлено, что у покойного были царапины на коже. Более того, даже, как говорят, видели жирные пятна с отпечатками пальцев на лацканах пиджака. Казалось бы, самым правильным было бы установить, отпечатки чьих пальцев там были. Но ни полицейский следователь, ни суд не сделали такого расследования с предоставлением материалов. Даже план бойни не был составлен. Это означает, конечно, что следствие было неудовлетворительным, и это было использовано против невиновных. Обвинению на руку иметь как можно меньше фактических показаний. Благодаря не полностью проведенному следствию, обвинение теперь имеет широкое поле для предположений. Но обвинение вышло на широкую дорогу зла. После того, как защита опровергла с трудом состряпанную обвинением версию, обвинение составляет другую версию. А когда и другая версия была опровергнута, опять предоставляется новая.

Сначала твердили, что мы здесь имеем дело с заранее спланированным преднамеренным убийством. После того, как обвинение убедилось, что такая версия рассыпается, схватились за новую мысль: после того, как в бойне повздорили, потому что Авиженис не отштамповал мясо, его решили убрать с дороги, но такая версия требует совсем другой квалификационной оценки. Но мы должны придти к ясному юридическому ответу на вопрос, что же действительно произошло в бойне. В поисках ответа на этот вопрос мы должны отбросить версию заранее спланированного преднамеренного убийства. Это убедительно было доказано в речи д-ра И. Робинсона. Прокурор выставил новый аргумент, что мясники –

жестокие люди. Но, господин судья, идя по такой дороге, мы можем далеко пойти.

Мы знаем, например, что в армии учат убивать людей. Но разве мы слышали, что военнослужащие – убийцы? Более того, мы употребляем в пищу говяжье мясо, означает ли это, что мы можем есть человечину? А если мы идем на охоту, означает ли это, что мы можем убить и человека?

Если мы объективно и конкретно обсудим некоторые моменты обвинения, то только благодаря защите мы должны констатировать, что ни один ветеринар в Жеймялисе не составил на мясников ни одного протокола. Авиженис не жаловался на них полиции и также не составил на них ни одного протокола. Так откуда появилась мысль, что у Авижениса с мясниками были плохие взаимоотношения? Давайте, допустим, что с мясниками он мирно не уживался, но с двумя возчиками, которые сидят на скамье подсудимых, он тоже мирно не уживался? Говорят, что и возчики были заинтересованы в получении некачественного, более дешевого мяса. Но при этом забывают, что Шнайдер был заинтересован в получении именно качественного мяса, потому что на границе его проверяют, и там пропускают только качественное мясо. Так что, если речь идет о спонтанном преднамеренном заговоре убрать с дороги Авижениса, то заговор мог быть только мясников, и зачем им надо было позвать двух чужих свидетелей. Поэтому эту версию мы должны отбросить.

Тогда обвинение выдвигает новую версию: мясники были кровно заинтересованы в том, что мясо было бы отштамповано именно ночью, а не утром, чтобы успеть его продать, и когда Авиженис штамповать отказался, они в обозленном состоянии решили его убить. Но здесь мы имеем психологические алиби. Была ли действительно причина так разозлиться? Не сумели ли бы они продать мясо в другие дни? Мы видим из дневника Авижениса, что скот забивали в понедельник, вторник, среду и четверг, и только первый раз - в воскресенье.

Господин судья, поверьте, что защита все сделала, чтобы найти настоящую правду в этом процессе. Мы еще перед Шяуляйским судом умоляли их сказать всю правду. Но и после приговора просили их сказать всю правду. Мы им разъяснили смягчающие обстоятельства, например, если они покажут, что удар был нанесен Лакунишком, который как несовершеннолетний в таком случае понесет минимальное наказание. Мы использовали все наши возможности, чтобы склонить их к такой мысли, но до последней секунды, даже

сегодня в этом трибунале, мы не получили показаний, отличающихся от имеющихся. Они говорят: «Если нас даже осудят на смерть, мы других показаний дать не можем, потому что мы невиновны». Вот почему они молчат.

Господин судья. Их психологические алиби мы установили. Мы также технически доказали, что они невиновны. Обвинение во многом опирается на показания свидетельницы Бушманене, которая слышала крик тонким голосом «ай». Спрашивается, если она действительно слышала такой крик, то почему он не принадлежит детям Лакунишковых, которые были на бойне, или вдове Авижениса, которая тоже вскрикнула, когда увидела тело мужа в колодце. Все материалы дела не объясняют, чем же ударили Авижениса, чем его убили. Здесь обвинение имеет довольно большое поле для предположений, и прокурор допускает, что его могли убить в бойне у выходных дверей. Но тогда должны были остаться какие-либо следы. Из протокола вскрытия трупа мы знаем, что рана была горизонтальной. Авиженис был высокого роста, а все обвиняемые – низкорослые. Выходит, что если бы кто-либо из них нанес удар, он бы мог достигнуть только плеча или того ниже. Из экспертизы д-ра Вайчушки мы знаем, что рана от падения больше, чем рана от удара, и это понятно. Мы можем это сравнить с кастрюлей яиц. Если мы ударим по кастрюле каким-нибудь посторонним предметом, яйца в основном останутся целыми. Если мы поднимем кастрюлю и бросим ее на какой-либо твердый предмет, яйца разобьются.

По сравнению с обвинением мы находимся в более сложном положении. Мы должны ограничиться местом несчастного происшествия, площадью неогороженного колодца в 1 кв. м. Пусть мне скажут, часто ли мы видим неогороженные колодцы и рядом с ними тропинки. Что колодец был опасен, мы знаем от Авижениса, который требовал, чтобы колодец был огорожен. Посторонний мог бы упасть в колодец даже посреди белого дня, тем более, ночью, когда у колодца так скользко, и человек в возбужденном состоянии.

Тогда защитник с математической точностью рисует картину, как могло случиться несчастье и говорит: «Мы видим, что наша версия подтверждается. Так почему же мы верим неподтвержденной версии обвинения? Говорят, что должно было быть слышно падение в колодец. Но, господин судья, на бойне было шестеро: четверо взрослых и двое детей, и неудивительно, что после того, как Авиженис отказался штамповать мясо, в бойне началась заваруха. Версия несчастного случая подтверждается местными экспертами Захариним

и Вайчушкой и иностранными авторитетами профессорами Штрасманом и Балтазаром. Мы имеем еще одно спорное мнение д-ра Ожялиса, который мало копался во всем этом деле. По всем показаниям, мы тут имеем дело с несчастным случаем, и поэтому прошу виновных освободить».

После короткого перерыва начались реплики сторон.

По мнению прокурора, д-р Вайчушка больше говорил как защитник, нежели как эксперт. Доказано, что обвиненные имели общие интересы, и поэтому у них могла быть общая договоренность убить Авижениса. Чтобы убить человека, надо собрать определенных людей. То, что обвиненные молчат, не означает, что они невиновны. Они молчат, потому что хотят спрятать следы преступления. Следы не могли остаться, потому что бойню помыли. К тому же прокурор сомневается в выводах иностранных экспертов. Поэтому он считает, что обвинение остается в силе, и апелляция должна быть отклонена.

Адвокат по гражданскому иску г. Слежявичус теперь уверен, что план убийства созрел в бойне, когда Авиженис отказался штамповать мясо. Все мясники заинтересованы в реализации некачественного, более дешевого мяса, а Авиженис этому мешал. Мясники почувствовали опасность и вспыхнули ненавистью к ветеринару. Господин Слежявичус не постеснялся допустить, что только мясники имели намерение убить Авижениса. Д-ру Вайчушке нельзя доверять. Только экспертиза Ожялиса правильная. Иностранные эксперты ответили на субъективные вопросы в пользу защиты. Несчастный случай исключается, потому что, если бы колодец был опасен, то и мясники бы в него падали. В колодец можно было бы упасть только в случае самоубийства. Авижениса вбросили в колодец мясники.

Обвиняемые молчат, потому что надеются на освобождение. Если верить словам преступников, то все они невиновны, и всех преступников надо было бы освободить. Мясники виновны, и поэтому апелляцию надо отклонить.

Защитник, д-р Робинзон, констатирует в своей реплике, что обвинение отказывается от своих аргументов тем, что мясники уже в бойне решили убить Авижениса. От прокурора мы услышали новость, что Авиженис не собирался штамповать мясо. Так спрашивается, почему он посреди ночи пошел на бойню, значит, отношения между ним и мясниками были хорошие. Нам тут сказали, что колодец не был опасен, потому что мясники туда не падали. Забыто только, что бойня для мясников - второй дом. А Авиженис, который был на бойне ночью впервые, пришел туда вместе с мясниками, для него колодец был

опасен. Ни один из высказанных фактов не ведет нас на сторону обвинения в убийстве.

Адвокат Станкявичус объясняет, что все задают себе вопрос, почему никто до сих пор не падал в колодец. Да, если бы несчастный случай произошел раньше, колодец был бы огорожен. Долгое время ранее колодец был-таки огражден. Говорят, что первое следствие было плохо проведено. Но по материалам плохого следствия нельзя же осудить человека.

После реплик обвиняемым предоставляется последнее слово.

Флейшман плачет вслух и зовет Бога в свидетели, что он невиновен. Если он совершил преступление, пусть Бог его накажет.

Л. Ман произносит надломленным голосом: «Я ничего не знаю, я невиновен».

Шнайдер говорит по-немецки: «Я невиновен. У меня не было причины убить ветеринара. Я прошу господ судей не ломать мою молодую жизнь».

Мальчишка Лакунишок произносит только два слова: «Я ничего не знаю. Я не видел, как Авиженис вышел из бойни».

Судьи совещаются полтора часа, и в три часа дня выносят приговор.

В городе этот приговор сильно дебатруется из-за его неясности. Особенно неясно засчитают ли время, которые осужденные уже отсидели. Компетентные юристы считают, что раз трибунал не сказал, что отсуженное время засчитывается, они должны будут сидеть еще целый год. Это станет ясно из мотивированного приговора.

И. Жапер

----- 000 -----

Жеймялиссские мясники еще в Каунасе

«Летувос жиниос» 12 марта 1931 г.

Осужденные Жеймялиссские мясники еще сидят в Каунасской тюрьме принудительных работ. Теперь решение трибунала высылается в Шяуляйский окружной суд, а Шяуляйский государственный защитник определит, где осужденные понесут наказание – в Каунасе или в Шяуляе.

Так как решение первой инстанции изменено, время отсидки считается со дня вынесения приговора Шяуляйским окружным судом, а именно, мясникам осталось сидеть по 8 месяцев.

----- 000 -----

Мотивированный приговор в Жеймялисском процессе

«Ди идише штиме» 7 апреля 1931 г. № 80(3470). Стр. 5

Один из осужденных ударил, остальные – вбросили в колодец

Верховный трибунал уже опубликовал мотивированный приговор в Жеймялисском процессе. Приговор составляет 13 машинописных листов.

В начале повторяется приговор Шяуляйского окружного суда, по которому осужденные Абрам Флейшман, Лейзер Ман, Абрам Шнайдер и Матиас Лакунишок, признаны виновными в том, что они по заранее обдуманному сообща плану из чувства мести сначала нанесли ветеринару Авиженису смертельный удар по голове, а потом полумертвого вбросили в близлежащий колодец. Осужденные получили по 12 лет тюрьмы тяжелых принудительных работ, а несовершеннолетний Лакунишок - 5 лет тюрьмы. Кроме того, Шяуляйский окружной суд присудил им гражданский иск в пользу вдовы и матери погибшего.

Выслушав апелляционную жалобу и мнения сторон, Верховный трибунал констатировал следующее: (здесь в тексте мотивированного приговора передается вся история, как Авиженис пришел на бойню, как позже его нашли мертвым в колодце).

Государственный прокурор и адвокат по гражданскому иску – говорится дальше в приговоре - категорически поддерживают версию, что, судя по материалам дела, осужденные убили Авижениса за его требовательность. В окружном суде эксперты сообща пришли к выводу, что смерть Авижениса наступила от раны в голове, и Авиженис упал в колодец уже мертвым или со слабыми признаками жизни. Рана была получена не от ушиба при падении в колодец.

Защитники поддерживают версию, что здесь имеет место несчастный случай. Такого же мнения придерживается эксперт со стороны защиты доктор Вайчушка. Защитники мотивируют свою версию тем, что для совершения преступления не было никакого основания. Если бы осужденные решились на убийство, это, как показывают факты, не могло бы произойти таким образом (перечисляются мнения защитников, которые нашему читателю уже известны).

Верховный трибунал считает, что теоретически все могло произойти в соответствии с мнением защиты, но, если обдумать обе версии, станет ясно, что мнение защиты надо отбросить.

Авиженис начал посещать бойню 9 февраля (несчастье произошло в ночь на 23 февраля). Авиженис уже раньше заметил

неогороженный колодец и потребовал, чтобы этот опасный колодец был бы огорожен. Но Авиженис ходил недалеко от колодца уже пару недель. Он знал об опасности, но еще ни разу не случилось, чтобы кто-то упал в колодец, и поэтому трудно допустить мысль, что Авиженис туда упал. Конечно, полностью отбросить эту версию нельзя, но в нее трудно поверить. Если бы Авиженис упал в колодец, он бы упал на противоположный его край. Рану за правым ухом он бы мог получить, падая при шаге правой ногой и ударившись головой о противоположный край сруба. Но, как видно по фотографии, этот край не округленный, а острый деревянный край, и от удара по нему должен был бы остаться другой след. Как было замечено при осмотре трупа, и надо согласиться с экспертами, при падении руки человека начинают защищаться до того, как он осознает свое падение. Авиженис был молод. Он – бывший офицер. Падая в колодец, он инстинктивно схватился бы за что-либо, и тогда на его руках остались бы какие-то следы. Таковые найдены не были.

На поверхности колодца треть льда не была вырублена, и никаких признаков падения на оставшемся льду обнаружено не было. Поэтому невозможно допустить, что Авиженис упал в колодец сам.

Аргумент защитников, что Авиженис в тот день был выпившим, не обоснован. Предположим, что Авиженис вышел тогда из бойни возбужденный, но, выйдя из светлого помещения в темноту, он должен был бы остановиться, чтобы глаза привыкли к темноте. У него еще был электрический фонарик, и он должен был его поискать, но фонарик позже был найден на бойне. Версия, что Авиженис не успел найти фонарик, не оправдана. Портфель с фонариком не должен был остаться на бойне, он должен был бы то и другое взять с собой.

Трибунал выдвигает еще один важный факт – это величина проруби в колодце.

Трибунал опирается на показания свидетельницы Канишаускене, которая показала, что накануне гибели Авижениса она видела прорубь в колодце, и она было прорублена только для того, чтобы туда просунуть ведро, а человек туда упасть не мог. Судебный следователь обратил внимание, что христиане были очень взбудоражены гибелью Авижениса, что грозило антиеврейскими эксцессами, и поэтому такой обвинительный мотив был им тщательно расследован. После расследования он констатировал, что свидетельница таки в тот день дважды проходила мимо колодца, и она при свидетеле Фельдмане сомневалась, как мог человек упасть в такую узкую прорубь. Позже она сообщила следователю, что из-за

своего плохого зрения она не смогла хорошо разглядеть колодец, а Наримас пригрозил ее избить, если она скажет на суде, что лед в колодце не был пробит. В другой раз она показала, что прорубь в колодце вообще не была пробита. Трибунал считает, что свидетельница в первом своем показании не ошиблась. Она – верующая христианка, и она очень невнятно говорила о своем плохом зрении. Например, если она не видит, как просунуть нитку в иголку, то это не значит, что она не видит льда на поверхности колодца. Также нельзя поверить, что за всю зиму не было необходимости пробить лед в колодце, и сделать это надо было только за два дня до падения туда Авижениса. Кроме того, надо принять во внимание, что Наримас служил у обвиненных, а Канишаускене – посторонний человек, и ее показания правильные. Это означает, что лед полностью пробит не был, а была сделана только прорубь шириной 50 см для ведра, и человека можно туда просунуть, только применяя силу. Поэтому версия защиты о несчастном случае отпадает. Мнение экспертов окружного суда, что удар по голове был нанесен посторонним предметом и что Авиженис был сброшен в колодец, совпадает с другими материалами дела.

Придя к выводу, что Авиженису был нанесен смертельный удар, надо выяснить, сделали ли это осужденные по этому делу. По этому поводу судьи констатируют: так как Авижениса нашли в колодце у бойни убитым, убийство произошло на бойне. При вскрытии тела было установлено, что Авиженису был нанесен один смертельный удар. На бойне во время убийства находилось четыре человека, которые и могли нанести этот удар. Поэтому, без сомнения, этот удар Авиженису был нанесен одним из осужденных, так как нет ни одного показания, что на бойне находился еще кто-либо. Маленькие дети Лакунишков, если они и были сначала на бойне, не могут быть приняты во внимание, потому что нанести удар такой силы они не могли. Это значит, что убийцей был один из осужденных. Виновен он, а остальные согласно статье 51 уголовного кодекса ответственны вместе с убийцей только в том случае, если они вместе это убийство намеренно спланировали или если они вместе стремились к одной цели. Все осужденные были приговорены за убийство Авижениса по общему замыслу и вместе этот замысел из мести осуществили (тут в мотивированном приговоре следует версия мести мясников за строгие требования к ним со стороны ветеринара). Но в приговоре говорится далее, что Флейшман и Шнайдер все же не мясники, они к Авиженису отношения не имели и вряд ли вошли с мясниками в сговор убить

Авижениса. К тому же, нет никакого основания их обвинять, и речь может пойти только о Мане и Лакунишке, и из всего дела нельзя сделать вывод, что имел место преднамеренный сговор. Три раза зовут врача осмотреть мясо забитых животных, а убийцы с заранее обдуманым планом так не поступают. Зная, куда Авиженис уехал, они могли бы его по дороге расстрелять или убить другим способом, наняв постороннего убийцу. И они бы не звали будущую жертву к себе на бойню, выдавая этим себя. Что и как случилось на бойне, кто убил Авижениса, знают осужденные, но они об этом молчат и не говорят правду. За нежелание сказать правду нельзя осудить подозреваемых. Осужденный имеет право вообще ничего не говорить, и молчание не может рассматриваться как показатель вины.

Верховный трибунал допускает версию, что на бойне произошла стычка между ветеринаром и мясниками. Ман резко отреагировал на замечание Авижениса, что мыло не подготовлено; возможно, Авиженис ответил Ману так же. Как вспыльчивый человек Ман мог схватить Авижениса за грудки. Скорее всего Лакунишок, по своей инициативе, мог схватить полено и ударить сзади Авижениса. След от удара и пятна на пальто подтверждают эту версию. Кто ударил – Ман или Лакунишок - можно только предположить. Но и Флейшман, и Шнайдер могли ударить, потому что отказом штамповать мясо были затронуты и их интересы. Возможно, что они стали просить ветеринара, чтобы он отштамповал мясо. Когда он отказался, могла начаться потасовка, и один из них мог нанести удар сзади. Если вероятнее всего нанесли удар Ман или Лакунишок, то нельзя отбросить возможность, что удар нанесли Флейшман или Шнайдер.

В деле нет никаких доказательств, что осужденные имели заранее спланированный заговор и намерение осуществить его сообща. По материалам дела ясно, что, скорее всего, удар был нанесен одним человеком, находящимся в возбужденном состоянии. Но кто из осужденных это сделал, установить невозможно. Поэтому всех подозреваемых в убийстве надо освободить от этого клейма, потому что суд не может вынести приговор только за подозрения.

Авиженис, получив удар по голове, упал без сознания и с ним случился сердечный приступ. В таких случаях каждый обвиненный старается снять с себя ответственность. Здесь получается то же самое. Невинные могли бы себя легко защитить, выдав виновного. В этом случае это не было сделано. Наоборот, все стараются скрыть преступление. Мертвое тело вбросили в колодец, туда же бросают портфель, а фонарик портят.

Кто это сделал, один из осужденных или все вместе? Надо признать, что бросить мертвое тело в колодец было уже общим делом. Об этом свидетельствует и нежелание выдать виновного. К тому же, нет доказательств, что удар нанес только один. Такого рода преступления наказываются по статье 166. Трибунал принимает во внимание и отягчающие обстоятельства: убит государственный чиновник при исполнении им своих обязанностей, и поэтому осуждает подозреваемых самой высокой по этой статье мерой наказания – по 1 году тюрьмы каждому. Подозреваемый Лакунишок осуждается по п. 2 статьи 55 уголовного кодекса и отсылается в воспитательную колонию в Калнаберже. Гражданский иск не удовлетворяется.

----- 000 -----

Жеймялиссские мясники подали просьбу о помиловании

«Летувос жиниос» 4 мая 1931г.

Все жеймялиссские мясники, осужденные за убийство врача-ветеринара Авижениса, подали в субботу просьбу о помиловании. Ответа ждем сегодня или завтра.

----- 000 -----

С жеймялиссских мясников взыскиваются судебные расходы

«Летувос жиниос» 19 июня 1931 г.

Верховный трибунал постановил взыскать с жеймялиссских мясников судебные расходы, которые составляют 2 901 лит.

----- 000 -----

Жеймялиссских мясников не пожалели

«Летувос жиниос» 21 июня 1931 г.

В свое время осужденные жеймялиссские мясники подали прошение Президенту республики. Удалось узнать, что прошение не удовлетворено.

----- 000 -----

Отсидев 8 месяцев, осужденные вышли на свободу.

Подведем некоторые итоги.

Описанные события проходили в начале 30-х годов прошлого столетия, когда острота литовско-еврейских отношений уже приближалась к своему апогею.

Исторически сложилось так, что в Литве, особенно в местечках, население в основном состояло из литовской общины, представляющей крестьянство, и еврейской, в большинстве своем состоявшей из торговцев и мелких ремесленников. Обе общины существовали рядом, но раздельно. Их взаимоотношения развертывались на жизненно важной для обеих сторон социально-экономической почве, чреватой по своей сути разного рода

конфликтами. Эти конфликты нередко подогревались и религиозными предрассудками, что грозило их перерастанием в кровавые эксцессы.

С образованием Литовской республики литовско-еврейские отношения переходят в новую фазу: они регулируются государством, его законами и государственными служащими, проводящими законы в жизнь. При этом у молодой литовской интеллигенции, недавно вышедшей, чаще всего, из крестьянской среды, еще широко сохранялась сложившаяся ранее национальная антипатия к евреям. Кроме того, литовско-еврейские отношения значительно обострялись из-за усилившейся конкурентной борьбы между зарождающимся национальным третьим сословием и его еврейским слоем, издавна существовавшим в Литве. Не обходят страну и события, происходящие в Европе в преддверии Второй мировой войны: зарождение фашизма подогревало и без того накаленную обстановку. Любая брошенная на эту почву искра грозила пожаром.

Одной такой искрой и послужило известие о гибели врача-ветеринара Казиса Авижениса в местечке Жеймялис. Само дело, его расследование и судебные слушания проходили под давлением общественного мнения, которое имело непосредственное влияние на выносимые решения, вплоть до приговоров суда. В Литовской республике нередко имели место всякого рода мелкие наветы или хулиганские поступки на религиозно-национальной почве, которые несомненно могли бы привести к фатальным исходам, если не было строгой позиции государства, не поддерживавшего антисемитских выпадов и настроений.

Надо отметить, что не последнюю роль в этом играла позиция президента республики Антанаса Сметоны, который отличался либеральным и уважительным отношением к евреям Литвы, ценил их большой вклад в становление Литовской республики. Такой позицией государства и его президента можно объяснить относительно мягкий приговор Верховного трибунала в вышеизложенном деле, хотя последний все-таки поддержал версию убийства врача Авижениса, а не версию несчастного случая.

События, изложенные в статье, иллюстрируют на конкретном примере сложность литовско-еврейских отношений, складывавшихся в Литовской республике в 30-х годах прошлого века. Статья дополняет известные факты этой проблематики и может быть использована в ее дальнейшей разработке.

*Переводы с идиш и литовского Розы Беляускене
Публикация, вступление и редактирование текстов Анатолия Хаеша*

¹ Жеймялис – местечко, ныне город в Пакруойском районе Литвы.

² Schoenburg Nancy, Schoenburg Stuart. *Lithuanian Jewish Communities*. New York and London, 1991. P. 393 - 394.

³ *Российская еврейская энциклопедия*. Москва, 2000. Т. 4. С. 441.

⁴ Автор выражает Розе Беляускене глубочайшую признательность, так как без ее помощи данная публикация не могла бы состояться.

⁵ Lietuvos žiniuos (Литовские вести), Каунас

⁶ Жеймялис – местечко в Пакруойском районе Литвы.

⁷ Di idishe shtime (Еврейский голос), Каунас

⁸ Ионишкис – город, районный центр Литвы.

⁹ Виштитис – местечко в Вилкавишском районе Литвы.

¹⁰ «Ритас» (Утро) - печатный орган христианских демократов.

¹¹ «Летувос айдас» (Эхо Литвы) - официоз Литовского правительства.

¹² Имя написано на иврите, поэтому могут быть неточности в транскрипции – Р. Б.

¹³ В источнике - пять мясников, что ошибочно.

¹⁴ В отношении размеров и формы колодца в репортажах имеются разночтения.

¹⁵ В репортажах встречаются разночтения в написании фамилии сторожа: Наримас, Гаримас и Кнаринас – Р. Б.

¹⁶ «Мусу моментас» (Наш момент), местная шяуляйская газета.

¹⁷ По правилам еврейской религии во время праздника Пасхи нельзя употреблять хлебную водку, а лишь такую, которая гонится из сырого меда или патоки.

¹⁸ В литовской печати Калнаберже – Р. Б.